

ЭКСПАНСИЯ

Роман
ЗЛОТНИКОВ

[**АРВЕНДЕЙЛ**]
ИМПЕРАТОР ЛЮДЕЙ

Арвендейл

Роман Злотников
Император людей

«Автор»

2007

Злотников Р. В.

Император людей / Р. В. Злотников — «Автор»,
2007 — (Арвендейл)

Трой Побратим погасил Темное пламя в Проклятом лесу, теперь там снова растут священные деревья эльфов. Он очистил от скверны Крадрекрам, древнюю твердыню гномов. И выполнил условие Большого совета Теми – восстановил эльфийские и гномьи поселения на землях Арвендейла. Но орда западных орков копит силы на берегу Долгого моря, и ходят слухи, что орки уже заняли столицу людей Эл-Северин, сплотившись под началом Темного бога Ыхлага. Правда, у Светлых рас еще есть надежда: легенда гласит, что в давние времена Великий Марелборо, император людей, убил одного из Темных богов. Значит, победа возможна...

Содержание

Часть I	5
Глава 1	5
Глава 2	12
Глава 3	19
Глава 4	27
Глава 5	35
Глава 6	43
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Роман Злотников

Арвендейл. Император людей

Часть I

Тучи сгущаются

Глава 1

– И-и-и-эх!

Тяжеленная каменная плита с гулким скрежетом натужно вошла в паз, вырубленный в каменной же стене, после чего полтора десятка полуголых гномов отлепились от бронзовых рычагов, которыми орудовали, и, шумно дыша, с облегчением выпрямились. Трой усмехнулся и, качнув головой, вышел из ниши, скрывавшей нижнюю площадку винтовой лестницы, прорубленной в толще камня.

– И где это видано, чтобы глинид ворочал рычагом наравне с подмастерьем?

Кряжистый гном, присевший на единственный каменный выступ (в то время как остальные просто прислонились к стене или опустились на пол), вскинул голову и повернулся на голос. В следующее мгновение его лицо осветилось улыбкой.

– Трой! Какими судьбами?

Он вскочил и двинулся к Трою, широко разведя руки. Трой также раскинул руки и слегка присел, иначе гном заключил бы его в объятия где-то на уровне пояса. А это было чревато... скажем, тем, что стальные клещи гномьих объятий выдавили бы наружу все содержимое кишечника... ну, или каким другим конфузом.

– Фу-ты, – проворчал гном, оторвавшись от друга, – всю куртку тебе потом измазал.

– Ничего, ей это уже не повредит. Скорее даже поможет. Да и вообще, я вот заметил, что твой пот действует на кожу как масло для закалки на хорошую сталь. Вон у тебя какая шкура дубленая.

Гном хрипло захохотал. А спустя мгновение к его громыхающему голосу присоединилось еще полтора десятка луженых глоток.

– Ну ладно, мастера, – отсмеявшись, повернулся к остальным гномам первый, – вы тут теперь и без меня справитесь. А я пойду, потолкую с нашим герцогом. – И, подобрав с пола валявшуюся там среди остальных простую полотняную рубаху, он накинул ее на плечи и кивнул Трою на винтовую лестницу, со стороны которой тот и появился.

– Идемте, ваша светлость.

В быстром темпе поднявшись по лестнице на двенадцать ярусов (отчего у Троя слегка закружилась голова, а гном перенес сие совершенно спокойно, по крайней мере внешне) они прошли длинным сводчатым коридором и вышли в другой, прямо-таки огромный коридор, вернее даже, большущий зал с потолками высотой в тридцать локтей, растянувшийся на немыслимую длину. Гмалин, заметив, что Трой восхищенно вертит головой, горделиво вскинул бороду.

– Ну как тебе наш город?

– Да-а-а... – Трой покачал головой. – Я бы даже сказал, покруче Подгорного будет...

– Пф, – презрительно фыркнул гном. – Подгорного... скажешь тоже. Да Крадрекраму не было равных под толщами. Сюда собрали самых искусных мастеров всего народа гномов. Им же предстояло отстаивать свое искусство и перед людьми, и перед этими... ушастыми зазнай-

ками. И если людей никто за искусных мастеров не считал, хотя и у вас случаются удачи, конечно... то про ушастых такого не скажешь... А уж они-то постарались.

Трой понимающе кивнул.

– Да, Алвур говорит, что Эллосил – настоящий шедевр. Он просто переполнен жизненной силой. Только они заканчивают очистку какого-нибудь участка леса от испарений темных заклятий, как там все буквально прет в рост. Даже срубленные меллироны выбросили побеги. Причем у его мастеров создалось впечатление, что древние мастера эльфов сплели Эллосил как единую огромную живую сеть, включающую в себя не только сам город, но и весь лес в целом. Именно поэтому, несмотря на столь мощную эманацию Тьмы, наполнявшую его столько веков, он так и не погиб. И теперь даже там, где сельфрилы вырублены на много шагов, они сами, едва начинают оживать, тут же выбрасывают и укореняют побеги, снова формируя стену. Алвур говорит, что даже если бы их мастера не старались, то лет через пятнадцать Эллосил и так бы возродился во всем своем великолепии естественным образом... Нынешние эльфы не умеют творить столь искусные плетения.

Гмалин понимающе кивнул:

– Да-а, значит, Алвур оторвал себе благодатные места. – Он хмыкнул. – Знаешь, а о Крадрекраме тоже можно так сказать. Все нижние уровни буквально пронизаны ходами раш. И по самым древним из них уже поднялись такие рудные жилы, что просто залюбуешься. – Он вдруг расхохотался. – А знаешь, я сейчас понял, что Подгорный трон ни за что не сможет не признать меня владельцем Крадрекрама. Мало того что я взял Крадрекрам «на секиру», так и доспехи из чешуи раш просто невозможно не признать шедевром. Но даже если они рискнут это сделать, мне будет достаточно послать им один из найденных самородков, и Подгорному трону просто некуда будет деваться. – Тут гном хитро сощурился: – А не желает ли мой суверен получить свою десятину немедленно, причем золотом?

Но его суверен не успел ответить, потому что парой мгновений раньше они свернули в боковую арку и, пересекши небольшой круглый зал, подошли к невысокой, но очень широкой каменной двери, уютно устроившейся в украшенной искусной резьбой арке. Резьба эта была выполнена так, что часть орнамента, начинавшегося на поверхности двери, плавно перетекала в украшения арки. И наоборот. Гмалин, толкнув дверь, сделал гостеприимный жест:

– Прошу!

Когда Трой, слегка пригнув голову, нырнул под низкую для него притолоку, гном, вошедший первым, обернулся и кивнул ему на полукруглый диванчик. Одной стороной диванчик примыкал к небольшому озерцу, устроенному прямо в полу и отделенному от него бордюром, сложенным из крупных, с собачью голову, опалов, а другой – к кованному из золота и еще какого-то металла с сине-серым отливом массивному столику.

– Устраивайся. Я сейчас, только ополоснусь чуток. – Хитро прищурившись, гном закончил не без ехидства: – Свежий бар-дамар сейчас будет.

Когда Троя инстинктивно передернуло, он довольно захохотал и исчез в еще более низком дверном проеме, отделяющем гостиную личных покоев владельца Каменного города (как теперь официально называли Крадрекрам) от его опочивальни и примыкавшей к ней умывальни. Трой с интересом огляделся. В личных покоях Гмалина он еще не был ни разу. Да и вообще Каменный город посещал всего второй раз, потому и изумленно пялился всю дорогу до того места, где Гмалин... слегка разминал мышцы, как, впрочем, и весь путь обратно до его личных покоев. Причем первый раз посещение вряд ли можно было назвать познавательным и безмятежным. Хотя... познавательным, впрочем, как раз можно. Только вот на красоты Крадрекрама он тогда обращал не слишком много внимания...

Хозяин справился быстро. Не успел еще старенький и белый как лунь гном, прикативший даже не сервировочный столик, а скорее тележку, солидно нагруженную десятком серебряных корзинок с едой и бутылей с питьем, сервировать придиванный стол, как владелец Каменного

города возник на пороге своей гостиной. На этот раз в солидном кряжистом гноме постороннему взгляду было нипочем не признать того работника, который еще полчаса назад надсаживал мышцы и глотку, ворочая каменную плиту бронзовым рычагом. Этот гном явно был слишком властен, богат и надменен, чтобы унижаться до черной работы. Трой несколько мгновений любовался на грозного властителя, одетого в роскошный камзол, с массивным золотым знаком владельца, висящим на цепи толщиной почти в гномий большой палец. Рука его, опирающаяся на посох, как, впрочем, и вторая, горделиво упертая в бок, была унижена кичливо-массивными перстнями с вызывающе крупными камнями. Трой не выдержал и расхохотался. Гном, сервировавший столик, испуганно замер и покосился на своего владельца. Тот окинул Троя вполне соответствующим его одеянию надменно-кичливым взглядом и искривил губы, видно собираясь сказать что-то презрительное, но только лишь вздохнул и, сердито швырнув посох на край диванчика, уселся рядом:

– Ну что за беда с этими молокососами. Никакого уважения ни к статусу, ни к бесценным реликвиям народа гномов. Тоже мне герцог...

– Уфф, – перевел дух Трой. – Э-э... прошу простить. Никак не хотел оскорбить высокого владельца. Особенно столь грозного и неприступного. Само как-то... – Он виновато развел руками.

Гном сокрушенно качнул головой, но потом ухмыльнулся и ткнул Троя в плечо могучим кулачищем.

– Эх, Трой, как я рад, что ты все-таки до меня добрался...

После того как было опрокинуто некоторое количество кружек доброго эля (и бардамара, впрочем, тоже), а большая часть серебряных корзинок опустела или распрощалась почти со всем своим содержимым, гном откинулся на спинку диванчика и, довольно хлопнув себя по брюху, благожелательно изрек:

– Ну что ж, червячка заморили. Можно переходить к делам.

Трой окинул взглядом устроенный побратимом разгром и, хмыкнув, в свою очередь попытался откинуться на спинку. Это не совсем удалось, поскольку высота спинки была заметно меньше, чем требовалось даже для человека нормальных размеров. Не говоря уж о Трое.

– Ну так с чем пожаловали, герцог? – благодушно спросил гном.

– Да так... проведать старого приятеля.

– Угум, – глубокомысленно кивнул гном. – Значит, сейчас как следует перекусим – и на боковую. Так, что ли?

– Ну... не совсем.

– А чего? Выпивки – море, бабы – не мешают. Какие проблемы? – скорчил недоуменно-наивную рожу гном.

– Ну, во-первых, больше не лезет... – признался Трой.

Гном хитро прищурился.

– А во-вторых?

– Во-вторых, – Трой посерьезнел, – во-вторых, у нас большие проблемы, Гмалин.

Гном хмыкнул:

– Если ты думаешь, что сообщил мне что-то новое... – Заметив, видно, что-то в глазах Троя, он оставил шутливый тон и уже серьезно спросил: – Ты выяснил еще что-то?

Трой вздохнул:

– Да. После твоего отъезда из замка конные патрули засекли еще один орочий отряд. Вернее, их было несколько. Шестнадцать, если уж быть точными. Но остальные просто пробирались на запад, рассчитывая как-то проскользнуть через ущелья мимо вашего Каменного города либо спуститься вниз по реке. А этот отряд был необычный.

Трой замолчал. Гном терпеливо выждал минуту, потом спросил:

– И что же в нем было такого необычного?

– Его возглавлял шаман, – со вздохом ответил Трой. – Наверное, он был единственным из шаманов, сумевшим уцелеть, и то только потому, что из него вышибло дух во время той бойни у Зимней сторожи. Он провалялся без сознания почти три дня, и потому его сбросили в похоронный ров как мертвого, а потом ему пришлось почти день выбираться из-под нескольких слоев орочьих трупов.

Трой снова замолчал. Гном покачал головой.

– Понимаю. Он многих положил?

– Почти две сотни... Конечно, не он один, а весь отряд, но без него мы бы столько не потеряли.

– И что?

Трой помрачнел.

– У нас нет того года, на который мы рассчитывали.

Гном некоторое время сидел молча, переваривая новость, которую ему только что сообщили. В принципе в их прежних расчетах все было логично. Они нисколько не сомневались, что местные орки отправили гонцов к западным, рассчитывая удержаться в замке до их подхода. Но пока гонец доберется до застав, пока информация о случившемся пересечет море, пока соберут орду да плюс время зимних штормов – по всему выходило, что у них есть как минимум год на обустройство обороны. А за этот год Гмалин со своими гномами должен был привести в порядок оборонительные сооружения Каменного города, да и само население города должно было серьезно возрасти – по меньшей мере в четыре-пять раз. Большинство гномов-изгнанников просто не успело подойти к месту сбора до начала похода, до кого-то еще не дошел призыв Гмалина, кто-то как раз был в пути, когда армия уже вступала в Арвендейл, некоторые так и вообще не тронулись с места, заразившись от людей крестьянским прагматизмом и считая шансы на успех не слишком хорошими. И все же, услышав о том, что Крад-рекрам свободен, большая часть этих «прагматиков» не преминула бы стронуться с места и устремиться сюда. Так что к весне Каменный город должен был быть совершенно подготовлен к обороне и заполнен гораздо более многочисленным гарнизоном. Что вкуче с вновь сформированной герцогской дружиной и опытным ополчением Арвендейла не дало бы западным оркам никаких шансов прорваться через горные долины. И тут выясняется, что этого времени у них нет.

– Дерьмо! – с чувством выругался гном. – У меня всего шесть сотен мастеров и подмастерьев, а только чтобы заполнить номера расчетов метательных машин требуется полторы тысячи. Да и сами машины... – Он махнул рукой.

– Совсем никакие? – тихо спросил Трой.

– Да нет, – Гмалин пожал плечами, – местные мастера умели строить. Для машин, которым исполнилось полторы тысячи лет, они на удивление в приличном состоянии. Но... – он вздохнул, – именно для машин, которым такая прорва лет. Каменные детали почти все в нормальном состоянии, кое-какие из черной бронзы и синей стали требуют перековки, но с этим можно справиться за пару недель, зато все дерево... – Гном замолчал, а затем тихо спросил: – Сколько у нас времени?

Трой качнул головой:

– Я не знаю. Вполне возможно, что передовые разъезды на варгах появятся в долинах со дня на день. Хотя я рассчитываю, что у нас есть как минимум неделя. Возможно, две. Больше – вряд ли.

– Почему?

– Дело в том, что орда западных уже здесь. На этом берегу Долгого моря. И те западные орки, которых мы видели на реке, когда покидали Арвендейл в прошлый раз, как раз из той орды. Они уже давно готовили набег. Даже не набег, а войну. И уже несколько лет переправляли

воинов через море. Да еще все это время подгребали под свою руку мелкие племена. Большинство мелких согласились сразу и с удовольствием лижут зад не только вождю похода, но и любым вождям западных, которые оказываются от них на расстоянии длины языка. Некоторых западные привели к повиновению силой. Только вот местные, арвендейльские орды все не соглашались влиться в Гурьбу западных. Считали, что могут сохранить некоторую независимость, так как западные не пойдут через горы, в которых хозяйничают раш, а другими путями большую орду не проведешь. И потому западные двинутся на империю в обход, с севера, по побережью, а они, мол, отделаются только поставками продуктов и отрядами добровольцев. Но шаман рассказал, что западные мобилизовали всех шаманов местных мелких орд и привезли почти сотню своих. И потому вполне были вправе рассчитывать на то, что столь большой Круг шаманов сумеет удержать раш в глубинах. Хотя бы на то время, пока орда будет идти долинами. Так что мы чудом успели. По весне города Арвендейла должна была захлестнуть огромная волна орков, противостоять которой у них не было ни малейшего шанса. А затем орки хлынули бы в западные пределы империи.

– Значит... они уже на подходе.

– Рассчитывать на иное было бы глупостью, – кивнул Трой.

– Но точно ты не уверен?

– Нет, – мотнул головой Трой, – но я привел почти полтысячи всадников из числа Тысячи охотников, что сформировал старшина Игелой. И собираюсь отправить разъезды за пределы долин так далеко, как это только возможно. Пусть наблюдают за подходами, ну и заодно устраивают засеки, завалы, рушат мосты и переправы, где только возможно.

Гном понимающе качнул головой:

– Хорошо, но все равно надолго это их не задержит. То, что смогут сделать полтысячи лесорубов-людей, несколько десятков тысяч орков разнесут в щепы очень быстро.

Трой согласно кивнул.

– Да, но в нашем положении каждый день на вес золота.

Гмалин, покосившись на Троя, хмыкнул.

– Согласен. Но даю десять против одного, это еще не все, с чем ты приехал.

Трой кивнул в ответ:

– Да, ты прав. И не сомневаюсь, что мое предложение тебе не понравится. Но я не вижу другого выхода. Если ты его найдешь – я с удовольствием им воспользуюсь.

Гном нахмурился:

– Говори.

Трой мгновение помялся, а затем, резко выдохнув, начал:

– Ты сам знаешь, что с наличным количеством гномов не сможешь ни восстановить метательные машины, ни укомплектовать их расчеты. Поэтому я привел три с половиной тысячи мастеров-людей. И еще, сейчас сюда идут обозы с высушенным лесом. В основном с дубом, буком и грабом. И... – голос Троя стал заметно тверже, – я как суверен этой земли, ее недр, лесов, полей, вод и небес, прошу владетеля Каменного города позволить мастерам людей помочь гномам.

Некоторое время в чертоге висела напряженная тишина, а затем Гмалин покачал головой:

– Трой, Трой, мальчик мой... что же ты со мной делаешь?

Трой молчал.

– Как ты мог подумать, что я хотя бы рискну вынести подобный вопрос на хирдтинг? Ты хочешь, чтобы меня выгнали из Каменного города поганой метлой и запретили приближаться к любому поселению гномов на арбалетный выстрел?

Трой молчал.

– Ты представляешь себе, на сколь древние и непреложные законы гномов ты посягаешь? *Никогда* ни люди, ни эльфы, ни кто бы то ни было не появлялись внутри поселений гномов дальше, чем у вторых врат. Если такое происходило – это означало, что город гномов пал.

Трой помолчал еще пару мгновений, а затем тихо спросил:

– А я?

– Ты?.. Ты – другое дело. Ты – мой побратим, побратим не просто гнома, а владетеля... ну, и наш герцог в конце концов. А еще тот, кто *уже* входил в Кам... Крадрекрам, сам по себе являвшийся страшной легендой гномов. И тот, кто вернул Каменный город народу гномов. Ты понимаешь, какое расстояние между тобой и каким-нибудь мастером из числа обычных людей?

Трой некоторое время сидел неподвижно, никак не реагируя на тираду Гмалина, а затем тихо заговорил:

– Учитель рассказывал мне, что наиболее устойчивы те законы, которые люди и сами уже привыкли соблюдать в виде традиции или привычки. И если эта самая традиция или привычка будет оформлена в виде закона, то его соблюдение не потребует ни от людей, ни от правителя никаких особых усилий. Ибо в этом случае большинство будет вести ту жизнь, что и так вело, а правитель получит право честно наказывать немногих ослушников. Потому сначала следует приучить людей к этому, являя им образец того, чего ты хочешь добиться, и всемерно поощряя тех, кто следует ему. И лишь потом вводить закон.

Трой сделал паузу. Гмалин молча слушал. И Трой продолжил:

– А вот тот закон, который идет вразрез с привычками и традициями либо, более того, принимается правителем, дабы *заставить* людей изменить привычку или традицию, чаще всего бесполезен и даже вреден. Ибо в этом случае правителю придется на несколько лет, а то и десятилетий отставить все свои основные дела и ревностно следить за тем, чтобы люди соблюдали закон, а не привычку или традицию. А также за своими стражами, которые будут служить ему в этом деле с гораздо большей неохотой, ибо будут подспудно считать, что поступают с подданными своего господина нечестно и несправедливо. И других вариантов нет, ибо в любом ином случае подобный закон не будет соблюдаться почти никем, и, значит, правитель не только не выполнит ту задачу, которую хотел решить, вводя этот закон, но и подвигнет подданных гораздо пренебрежительнее относиться к большинству остальных законов. Ибо если можно не соблюдать один закон, который мне не нравится, то зачем соблюдать еще дюжину тех, что мне нравятся немногим больше? А воспитывать у подданных такую привычку – губительно для любого правителя.

Трой замолчал. Гмалин также сидел молча, ожидая, пока его друг выскажет все, что собирался.

– Но иногда случаются моменты, когда возможно изменить любой закон. Неважно, сколь сильную традицию или привычку несет он в себе. Это случается только в тот момент, когда соблюдение закона, а также охраняемой им привычки или традиции губительно.

Трой снова замолчал. Гном, тоже не говоря ни слова, смотрел на Троя. Ибо явно понимал, что тот еще не закончил.

– Но это возможно, – снова заговорил Трой, – только в том случае, если, во-первых, народ действительно осознает, что соблюдение закона губительно, а во-вторых, не менее ясно понимает, что этот закон, освящаемый традицией и привычкой, суть именно закон, традиция и привычка, а не неременная часть жизненных основ, нарушение которых разрушит и саму жизнь.

Трой сделал очередную паузу и упер в Гмалина напряженный взгляд. Гном медленно кивнул. Трой улыбнулся.

– Если бы передо мной сидел владетель Подгорного трона, а вокруг бы простиралось Подгорное царство – я бы даже не заикнулся. Потому что даже если бы Подгорный трон попал в подобное отчаянное положение, он все равно и помыслить не пожелал бы о том, чтобы обра-

титься к подданным с подобным предложением. Но здесь не Подгорное царство. И твои подданные – не закосневшие в тысячелетней неизменности его обитатели, многие из которых ни разу в жизни не видели человека и потому судят о нем только понаслышке – из уничижительных баек и анекдотов. Все вы изгои, прожившие среди людей не один десяток лет. Изгои, которые только что обрели дом и рискуют его лишиться. Неужели ты думаешь, что твои подданные настолько глупы, чтобы не понимать этого, и ничем не отличаются от спесивых обитателей Подгорного царства, делающих вид, что лишь с большим трудом способны терпеть рядом с собой *низшую* расу? – Трой замолчал. Гмалин несколько мгновений переваривал его слова, а затем ухмыльнулся:

– А ты, значит, считаешь, что пара-тройка десятилетий рядом с людьми может что-то изменить в каменной голове гнома? Мы потому и сбегамся сюда толпами, что нам осточертела жизнь среди вашего племени, а здесь есть шанс вновь устроить все так, как нам нравится.

– И то может осуществиться, только если вам удастся *сохранить* ваш новый дом. Иначе разговор о любых шансах – просто сотрясение воздуха. А я не вижу иного способа это сделать. К тому же никто не говорил, что твоим подданным, да и тебе в конце концов это должно непременно понравиться. Ты и твои подданные должны лишь согласиться это *вытерпеть*. Причем лишь до тех пор, пока мы не отразим врага и не отстоим наш новый общий дом. А уж там дальше устраивайте свою жизнь как пожелаете.

Гном грустно усмехнулся:

– А вот это уже вряд ли получится.

Трой ожидающе смотрел на него, но глубоко в его глазах Гмалин увидел искру понимания. Но не высказать до конца свою мысль не смог.

– Кровь людей на священных мостовых Каменного города, пролитая ради его защиты, вряд ли позволит нам сделать вид, что ничего не было, и как ни в чем не бывало вернуть прежние порядки. Да и ты ведь тоже не собираешься нам этого позволять, не так ли?

Трой медленно кивнул:

– Да, кое-что я хочу изменить. Ибо не могу допустить даже малейшего шанса на то, чтобы повторилась история прежнего Арвендейла. Когда люди, гномы и эльфы жили вроде как вместе, но каждый сам по себе. И когда на герцогство обрушился враг, он сумел разгромить всех поодиночке. Причем так, что ни первые, ни вторые, ни третьи даже не подозревали, что произошло с остальными.

– Ну да, ты еще эльфов сюда приволоки, – проворчал гном, но, бросив на Троя косой взгляд, поспешно отвел глаза. Ибо выражение лица его друга и герцога ему о-о-очень не понравилось. Впрочем, при чем тут выражение? Гномов не хватало даже на то, чтобы укомплектовать расчеты метательных машин, что уж говорить о бойницах стрелков? Но следующих предложений, которые могли бы поступить от Троя, Гмалин сейчас слушать не желал. С этими бы разобраться. Поэтому он поспешно переменял тему:

– Ну ладно, с делами закончили. Пора и пообедать. Хирдтинг соберем после ужина. Торопиться с этим делом не стоит. Пусть мастера и глиниды изрядно поднабьют брюхо и придут в благодушное настроение. А то они могут не дать тебе даже изложить до конца твои бредовые фантазии, что бы ты там ни думал по их поводу.

– Мне?

– А кому? – возмутился гном. – Неужели ты думаешь, что я рискну хотя бы открыть рот на хирдтинге? Ты у нас герцог – вот и отдувайся.

Глава 2

– Слушаюсь, госпожа!

Дородный купец из Хольмворта поспешно подобрал полы старомодного длинного кафтана, украшенного богатой вышивкой (как видно, извлеченного из каких-то сундуков – уж больно его покррой отличался от того, что носили теперь), и, пятась словно рак, спиной вперед выскользнул из дверей.

Лиддит проводила его сердитым взглядом и хмуро покосилась на Даргола, сидящего чуть сбоку.

– Этот уже шестой! И что мне прикажешь с этим делать?

Левый уголок рта Даргола слегка приподнялся вверх, а плечи совершили некое движение, каковое при некотором воображении можно было принять за пожатие. Мол, мое дело маленькое, госпожа. Прикажете – повесим, прикажете – наградим.

– Сенешаль Даргол, – вспылила Лиддит, – кончайте валять дурака. Если бы мне нужен был в приемном зале безмолвный истукан, я бы поставила здесь одного из панцирников. Они вышколены намного лучше вас и еще с дворцовых времен приучены сохранять каменную неподвижность часами.

В ответ на эту тираду Даргол теперь уже явно пожал плечами и произнес крайне смиренным тоном:

– Не далее как полчаса назад госпожа велела мне заткнуться и не давить ей на уши своими идиотскими идеями.

– Да, велела, – раздраженно кивнула Лиддит, – потому что очень легко сидеть тут, закинув ногу на ногу, и, поплеывая в потолок, давать умные советы. Прекрасно зная, что разбираться с этими советами придется совсем не советчику.

– Ну вот, ногу я опустил и советами вашу светлость больше не мучаю, – подчеркнуто послушным тоном произнес Даргол.

Лиддит стиснула зубы.

– Между прочим, достойный слуга всегда может различить, каково истинное желание господина, а что есть просто нервный срыв, и... с достоинством и смирением помочь господину справиться с проблемой, а не тыкать его мордой в его собственную несдержанность. У меня, в конце концов, нервы тоже не железные.

Даргол несколько мгновений разглядывал нахохлившуюся Лиддит, а затем улыбнулся.

– Прошу простить меня, госпожа, я еще молодой сенешаль – научусь.

– Молодой... – Лиддит смерила взглядом ежик седых волос, аккуратную бородку, отпущенную не для хвастовства, а чтобы скрыть пару страшных шрамов, серые глаза, слегка уже выцветшие от возраста, и, не выдержав, фыркнула: – Да уж, молодой! – А затем, не сдержавшись, захохотала: – Молодой... ох, Даргол, ни лечь ни встать – молодой!

Спустя мгновение к ее смеху присоединился сочный баритон «молодого сенешаля». Герцогский гвардеец, как раз просунувший голову, чтобы испросить разрешения запустить следующего жаждущего аудиенции, ошарашенно вытаращил глаза, глядя на покатывающиеся со смеху сенешаля и... вот черт, как называть госпожу, никто так пока и не понял. Принцесса? Возможно, но здесь она распоряжается совсем не как принцесса, а как хозяйка замка и герцогиня. Герцогиня? Но вроде как они с молодым герцогом и не женаты пока что. Во всяком случае официально. А с другой стороны, тот оставил ее на хозяйстве как полноправную супругу. Да и живут они вместе вполне в любви и согласии. Ну, во всяком случае, когда и он, и она каким-то чудом оказываются на пару ночей под одной крышей. В очень сердечном согласии, а о любви и говорить нечего. Сам гвардеец еще у герцогских покоев в карауле не стоял, но приятели рассказывали, что герцогиня у них крикунья. Да и прачки жаловались, что как герцог

с... герцогиней в одной опочивальне ночь проведут, так наутро что наволочку на подушке, что ночную рубашку герцогини – на выброс. Потому как рубашка вся изодрана, а подушка изгрызена. Да и перины – хоть заново набивай. Вот так и зовут пока госпожу – просто госпожой. Потому как нрава она крутого и ежели что не по ней – тут же в бараний рог свернет. Вот народ и опасается ошибиться ...

– Ладно, – Лиддит вытерла ладонью выступившие слезы, – закончили. – Она подняла глаза на торчащую из-за двери опасливую рожу гвардейца: – Ну, там еще кто есть, Грус?

– Точно так, госпожа, – кивнул гвардеец, – госпожа Тамея.

– Ну так что томишь? – нахмурилась Лиддит. – Зови скорее.

Сестра Тамея вошла в приемный зал легкой скользящей походкой, столь характерной для сестер-помощниц. Лиддит поднялась ей навстречу. Они были сестрами. Во всяком случае по отцу, каковое родство на самом деле единственное и имело смысл. Поскольку обе росли без матерей, с избранными ими отцом опекунами, а посему, в отличие от матерей, отец не только, так сказать, поучаствовал в зарождении жизни, но и приложил руку к тому, какими они стали. Хотя не сказать, чтобы остался так уж доволен результатом.

– Здравствуй, сестра. – Лиддит сделала шаг вперед и, протянув к сестре руки, обхватила ее за плечи и притянула к себе. Хотя Лиддит была моложе сестры, ростом она превосходила ее почти на голову. – Рада тебя видеть.

– И я тебя, сестра, – улыбнулась Тамея, и ее улыбка показала бы любому опытному наблюдателю, что, несмотря на более миниатюрные размеры, старшая характером ничуть не уступает младшей.

– Садись. – Лиддит указала сестре не на кресло, стоящее у правого угла стола, на которое она предлагала опуститься для разговора наиболее уважаемым посетителям (остальные должны были излагать свой вопрос стоя, ибо Лиддит считала, что подобный подход сильно сокращает «воду» в изложении любого вопроса), а на небольшой диванчик, притулившийся в эркере окна.

– Какая помощь тебе требуется?

Тамея улыбнулась:

– Да в общем-то никакой. Я пришла сообщить, что сестры покончили с исцелением всех, кто получил ранения во время последних рейдов, и теперь я прошу разрешения отправиться выбирать место для нашего будущего монастыря.

Лиддит нахмурилась.

– И куда ты собираешься направиться?

– Сначала в предгорья. Согласно летописям прежний монастырь сестер-помощниц располагался именно там. Так что я надеюсь отыскать его развалины и посмотреть, насколько сложно будет и нам там обосноваться. Ибо сестры всегда строго подходили к выбору места для монастыря, и, я думаю, нам трудно будет отыскать более подходящее место.

Лиддит бросила быстрый взгляд в сторону сенешаля. Тот тоже выглядел озабоченным.

– Сестра, – начала принцесса, – я знаю, что именно для этого ты и отправилась с войском, но... ситуация пока еще слишком напряженная, чтобы мы могли быть уверены в том, что путешествие небольшой группой может быть безопасным. Причем, заметь, даже небольшой группой воинов.

Тамея удивленно воззрилась на Лиддит.

– Но разве конные патрули не выловили всех орков?

– Далеко не всех, госпожа Тамея, – пришел на помощь своей госпоже сенешаль. – Наиболее крупные отряды мы, скорее всего, действительно вычистили, но в предгорьях все еще могут затаиться мелкие группы в несколько особей. Тем более что туда мы пока особо не совались.

– Но если это так, почему вы не прочешете предгорья?

– К сожалению, у нас пока нет возможности сделать это, – нахмурился сенешаль. – Мы вынуждены даже сократить патрулирование дорог и центральной части герцогства, ибо через пару дней армия выступает к Каменному городу.

Тамея окинула сенешаля удивленным взглядом, а затем перевела его на сестру.

– К Каменному городу?

– Да... – кивнула Лиддит и, верно поняв одну из причин удивления Тамеи, пояснила: – Гномы переименовали Крадрекрам в Каменный город, ибо за столько столетий слово «Крадрекрам» стало для них символом неизбывного зла и безысходности.

Тамея понимающе кивнула.

– Но зачем туда идти армии?

– Дело в том, что мы ждем орду.

– Орду?

– Да, западных орков. Из допроса одного из наших последних пленников выяснилось, что западные орки давно уже копят силы на нашем берегу Долгого моря. И потому крупные силы орков расположены всего лишь в месячном переходе от ущелий, проход по которым перекрывает Каменный город. Так что, скорее всего, орда западных уже движется сюда. И... нам почти нечем их остановить.

Тамея удивленно уставилась на сестру.

– Как почти нечем? А армия, а Кр... то есть Каменный город?

Лиддит зло оскалилась.

– На нас движутся почти семьдесят тысяч орков, причем западных, которые не чета местным, а Каменный город... его обороне полторы тысячи лет. Как думаешь, многое ли из того, что там есть, можно использовать?

Тамея медленно кивнула, показывая, что понимает, с чем сестре пришлось столкнуться.

– А самое главное – у нас чрезвычайно мало людей. Не только воинов, но и кожевников, кузнецов, каменщиков. Была идея перегородить долины в наиболее узких местах каменной стеной, но с тем количеством мастеров по камню, что удалось наскрести, мы не успеем это сделать. Оружие после всех битв требует правки, а кое-что и перековки. И все это время, что армия стояла у замка, кузнецы работали без передышки.

Еще у нас очень мал запас стрел и арбалетных болтов. И крайне мало железа и сухого дерева для их изготовления. Лишь половина панцирников имеет копья, остальные поломаны, а все резервы запасных уже исчерпаны. И в Арвендейле нет мастеров-копейщиков, способных изготовить новые копья. Из латников только треть имеет более-менее целые щиты. И изготовить новые также не из чего.

– Неужели здесь мало леса? – удивленно спросила Тамея.

– Этот лес надо сушить как минимум несколько месяцев, да и потом часть древесины уйдет в брак, – пояснил Даргол, – а если делать щиты или древки копий и стрел из сырого дерева, то, во-первых, все они будут непрочными, а во-вторых, намного тяжелее. Латнику лучше вообще остаться без щита и полагаться на собственную ловкость и крепость лат, чем навьючить себя тяжеленным и непрочным щитом.

Тамея задумалась.

– И как скоро вы ожидаете орков?

– Трой... э-э... герцог думает, что у нас есть максимум пара недель, но реально рассчитывает не более чем на декаду.

Тамея понимающе кивнула:

– Понятно. Что ж, я с сестрами прибуду к Каменному городу ровно через десять дней.

– Но сестра... – возвысила голос Лиддит, однако ее тут же перебил холодный тон Тамеи:

– Мы *должны* обследовать предгорье. И это не обсуждается, сестра.

Несколько мгновений они мерялись взглядами, но затем Лиддит отвела глаза.

– Хорошо, но я отправлю с вами сотню всадников из числа наемников. Сенешаль предупреждал, что предгорья опасны. Хотя я не понимаю, отчего такая спешка.

– Она тем более важна, поскольку, как я поняла, у тебя, сестра, нет полной уверенности в том, что нам удастся удержать Арвендейл.

Лиддит настороженно вскинула глаза.

– Дело в том, – продолжила между тем Тамея, – что в летописях сестер сохранились упоминания, что монастырь, построенный на земле Арвендейла, был не простой, а *пантеональный*.

Лиддит удивленно качнула головой.

– И ты думаешь, что через столько веков в его развалинах еще можно будет что-то найти?

Тамея пожала плечами:

– Таково было поручение от матери-настоятельницы. К тому же я и сама считаю, что шансы есть. Если верить летописям и соотнести их сведения с тем, что мы знаем сегодня, то разумно будет считать, что в те времена орочья орда не задержалась в Арвендейле надолго, почти сразу после разгрома войска герцога обрушившись на Эллосил и, после страшного ритуала призвания Темного пламени, на империю. А потом, после поражения орды, у орков на этой земле было немало других, более важных забот, чем далекий монастырь в глухих предгорьях. И потому у сестер вполне было время укрыть реликвии. Так что я вполне допускаю, что у меня есть хотя и небольшой, но реальный шанс отыскать хоть что-то из укрытого. И переправить найденное в империю, к моим сестрам, до того как Арвендейл, возможно, вновь затопит мгла.

От этих слов на всех находящихся в зале будто повеяло холодом. Лиддит несколько мгновений помолчала, а затем тихо спросила:

– И что же это за реликвия, которую так жаждут увидеть сестры?

– Согласно летописям их было несколько, – спокойно ответила Тамея. – Монастырь в Арвендейле, герцогстве, в котором объединились три светлых народа, не мог быть обычным монастырем. Именно поэтому его изначально строили как пантеональный. И именно поэтому у меня есть надежда, что сестрам удалось укрыть реликвии. В том числе и... – Она сделала паузу, будто не решаясь выдать не-сестрам то, что знала. Но если не сказать этим двум, то можно ли тогда рассказать об этом кому бы то ни было? А ей сейчас нужна была вся возможная помощь.

– В том числе и плащаницу Гвенди.

Глаза Лиддит расширились, а сенешаль окаменел. Тамея молча сидела рядом с сестрой, уставив взгляд в пол. Будто специально давая своим собеседникам время осознать и привыкнуть к тому, что она сейчас сказала.

– Значит, – хрипло произнесла Лиддит, – дарохранительница монастыря сестер-помощниц в Эл-Северине пуста?

Тамея молча смежила веки. В зале повисла напряженная тишина. Все трое обдумывали произнесенное. Гвенди считалась покровительницей империи. Согласно легендам она не очень-то любила отдельных людей, но покровительствовала всей человеческой расе в целом. И именно она обучила первого императора людей – легендарного Марелборо – и помогла ему изготовить корону императора, самый могущественный из магических артефактов, имеющих у людей. По легенде, «избрав одного достойного из многих тысяч желающих». И ее плащаница, согласно легенде, должна была взвиться на древке имперского знамени в час, когда на империю людей обрушатся самые тяжелые испытания, грозящие гибелью не только империи, но и всему человечеству. И вот сегодня выяснилось, что все это время Империя жила без этого святого покровительства.

– Понятно... – тихо произнесла Лиддит, – тогда так. Никаких наемников. Я дам тебе половину гвардейцев. И вам, сенешаль, поручаю отправиться вместе с моей сестрой.

– Но... – начал сенешаль.

– Никаких «но», – отрезала Лиддит, – все, что поведала нам моя сестра, слишком важно, причем не только для герцогства, но и для всех людей. Если мы не устоим, империи понадобится и это знамя, и вся сила, которая только будет в ее распоряжении. Ибо если мы не устоим, я не думаю, что орки ограничатся одним Арвендейлом и уж тем более они будут настолько глупы, чтобы двинуться дальше, не нарастив силы. Так что вам надлежит приложить все усилия к тому, чтобы отыскать, где сестры-помощницы укрыли реликвии. И, если это удастся, то озаботиться тем, чтобы доставить их в Эллосил, где ожидать результатов битвы у Каменного города. – Лиддит немного помолчала, а затем произнесла уже несколько другим голосом: – Даргол, ну кому еще я могу это поручить? Большая часть гвардии герцога – это твои наемники. И... я не хочу упускать плащаницу из Арвендейла, но если что-то пойдет не так... она не должна пропасть.

Сенешаль несколько мгновений сверлил Лиддит горящим взглядом, а затем тяжело кивнул.

– Хорошо... герцогиня. Я сделаю все, что вы сказали. Если нам удастся отыскать плащаницу, она не покинет пределов герцогства до тех пор, пока не будет точно известно, что нам здесь не удержаться.

Лиддит перевела взгляд на сестру.

– Надеюсь, ты не против такого варианта?

Та медленно покачала головой:

– Нет... – и назвала сестру так, как за мгновение до этого сенешаль, признавая за ней право отдавать приказы на этой земле, – герцогиня. Но я хочу быть совершенно уверенной, что если... что-то пойдет не так, плащаница, буде мы ее отыщем, не подвергнется излишней опасности.

– Даргол – опытный военачальник и не станет излишне рисковать, – уверила ее Лиддит.

На следующее утро Лиддит поднялась рано. Наскоро умывшись, она накинула короткий кожаный колет, который уже, похоже, прирос к ней за время пребывания в Арвендейле как вторая кожа, и спустилась во двор замка. Он все еще был замусорен битым камнем, но разбитые ворота уже убрали. Правда, запашок стоял еще тот. Хотя все башни, забитые орочьим дерьмом, пленные орки уже давно вычистили, а эльфы рассыпали по каменным полам семена, буквально за одну ночь выбросившие побеги какого-то выюна, который опутал и пол, и камни замкового двора, и нижнюю часть стен и, как они говорили, должен был напрочь высосать запах и из воздуха, и из камней, пока еще изрядно пованивало. Во всяком случае во дворе. А вот с наведением порядка в замке было совсем худо. Нет, внешний двор убрали и казармы герцогских гвардейцев тоже, но они пока стояли пустыми. Из-за того же запаха. А вот внутренний двор и донжон все еще несли на себе многочисленные следы запустения. Рабочих рук катастрофически не хватало.

Когда Лиддит спустилась по лестнице, полторы сотни конников уже заполнили двор. Даргол стоял в окружении десятников. Гвардия герцога насчитывала пока всего лишь чуть менее трех сотен человек, основную часть которых составляли бывшие наемники Даргола. Остальные были, так сказать, с бору по сосенке – частью наемники других отрядов, а частью северные варвары, решившие по примеру своих далеких предков – Арсекая Дубовое Весло и Орварда Длинный Меч – присягнуть на мече герцогу Арвендейла. Вернее, среди северных варваров таких желающих было много, как, впрочем, и среди наемников – столько, что сформировать полную тысячу герцогской гвардии не составило бы никакого труда. Но Даргол очень придирчиво подходил к отбору кандидатов. Из северных варваров он брал, например, только тех, кто уже служил в наемниках. Ибо только такие были знакомы хоть с каким-то понятием дисциплины. Так что, несмотря на то, что гвардия герцога Арвендейл внешне пока представляла собой сборище разномастно одетых и вооруженных людей, в бою она могла бы потягаться не только с гвардией любого другого герцогства, но кое в чем даже и с императорской гвардией.

Заметив Лиддит, Даргол рукой остановил докладывающего ему что-то десятника и устремился к ней.

– Все готово, госпожа.

– Вижу, сенешаль, – она улыбнулась, – я и не сомневалась. Сестры еще не вышли?

Даргол отрицательно качнул головой.

– Нет. Молятся.

Но едва он произнес эти слова, как со стороны развалин замковой часовни появились женские фигуры, закутанные в черные накидки. Сестры-помощницы молча проследовали через двор к привязанным у самых ворот лошадям и повозке, в которой должны были отправиться в путь те сестры, кто в силу возраста либо иных других причин не мог ехать верхом. Хотя повозка явно должна была задержать их в пути, поскольку там, куда они направлялись, не было никаких наезженных дорог.

От небольшой группы сестер, шедших последними, отделилась одинокая фигура, направившаяся прямо к ним. Когда она подошла поближе, Даргол отвесил уctивый поклон.

– Все ли готово, сенешаль?

– Да, сестра, – кивнул Даргол, – если позволите, я отдам гвардейцам команду выдвигаться, чтобы встретить вас у подножия.

– Поступайте как считаете нужным, – ответила Тамея, – я не очень-то смыслю в воинском искусстве, поэтому всецело полагаюсь на вас.

Даргол вновь поклонился и, приняв от оруженосца повод, быстро вскочил в седло и махнул рукой. Двор заполнился лязгом металла и цоканьем подков. Полторы сотни воинов садились на коней, разбирали повод и по команде своего командира выезжали через ворота во внешний двор замка. Тамея проводила их взглядом и повернулась к Лиддит.

– До встречи, сестра.

– До встречи, – серьезно кивнула Лиддит и, повинувшись какому-то странному чувству, шагнула вперед и порывисто обняла Тамею. Они выросли далеко друг от друга, так что она впервые увидела сестру, только когда ей исполнилось двенадцать лет. Да и то мельком, когда отец отчего-то велел доставить Тамею к себе из дальнего монастыря, где она все это время жила. Впрочем, ненадолго. Вскоре Тамея уехала обратно в свой монастырь, а Лиддит выкинула ее из головы, так и не успев привыкнуть к мысли, что у нее есть сестра. Она никогда о ней особенно не думала, потому что сестра из числа сестер-помощниц никак не вписывалась в круг ее обычных занятий и интересов. Лиддит почти совсем забыла о ней, когда взвалила себе на плечи заботу о делах совсем расхворавшегося отца. И только в этом походе она внезапно обнаружила, что сестра – это не фантом, что она рядом и что она несет свое предназначение с не меньшим, а то и с гораздо большим мужеством, чем любой из воинов. А когда Тамея практически спасла их всех в той битве у Зимней сторожи, Лиддит почувствовала, что в ее сердце разгораются какие-то новые чувства. Удивление от того, что рядом есть родной тебе человек, тихая радость и столь же тихая гордость за него и... страх его потерять. Конечно, не такой, как страх потерять Троя, но... немногим меньший.

– Ну что ты, маленькая, – тихо прошептала ей на ухо Тамея, и Лиддит внезапно поняла, что та ласково улыбается. – Не бойся. Я тебя теперь никогда не брошу.

Лиддит оторвалась от сестры и удивленно уставилась на нее. Но та еще раз улыбнулась ей ласково, провела ладонью по щеке, а затем запахнула накидку и, резко повернувшись, двинулась к своим сестрам, уже оседлавшим лошадей и забравшимся на повозку. И Лиддит внезапно с особой пронзительностью поняла, что да, именно этого она и боялась, неосознанно, не совсем понимая сама, она боялась, что вновь обретенная сестра внезапно так же исчезнет из ее жизни, как и появилась.

– И-и-и-ях! – громко вскрикнул возница и щелкнул кнутом, и повозка в сопровождении верховых сестер, грохоча колесами, выехала со двора замка. Лиддит проводила ее взглядом.

Ни одна из двух сестер даже не подозревала, что они расстаются не на десять дней, а на гораздо больший срок. Срок, за который обеим придется испытать немало.

Глава 3

– Осторожнее, господин!

Герцог Эгмонтер резко натянул поводья. Могучий конь вороной масти с белыми гольфами на передних ногах протестующе заржал, но железные удила, впившись ему в губы, заставили его сделать шаг назад, затем еще один... и тут загрохотало. Конь испуганно всхрапнул и попытался взвиться на дыбы, но поводья, направляемые железной рукой, не дали сделать и этого. А властный голос, которому он привык повиноваться, громко и сердито повелел:

– Стоять, Шудр, стоять!

И конь послушно замер, хрипя и дрожа и испуганно поводя лилово-фиолетовым глазом. А мимо, грохоча, катилась очередная осыпь.

Когда камни прекратили катиться по склону, герцог Эгмонтер расслабил каменно напряженные мышцы и, отпустив поводья, отер дрожащей рукой заливающий глаза пот. Вот, темные боги, а если бы он выехал из-под этого проклятого каменного карниза?

Сбоку протянулась рука и перехватила поводья. Герцог скосил глаза. Рядом с конем на тропе стоял джериец, командир его личной стражи, и встревоженно смотрел на герцога. Заметив, что тот повернулся к нему, Измиер разомкнул губы, попытавшись изобразить заискивающую улыбку, и вытянул руку куда-то вперед и вверх. Герцога едва не передернуло от вида зияющего провала пасти джериийца, но он все-таки нашел в себе силы и повернулся в сторону, куда указывала его рука. Там впереди, где-то в полулиге, тропа делала крутой изгиб, образуя что-то вроде небольшой площадки. Вернее, по здешним меркам площадка была большой. Вполне достаточной для того, чтобы весь их небольшой отряд мог с некоторым комфортом разместиться на ночлег. По краям этой площадки даже росло несколько деревьев, правда, довольно низкорослых и с перекрученными стволами. Но чего можно было ожидать в этих местах и на такой высоте? Герцог вновь перевел взгляд на Измиера и согласно кивнул. Тот просиял и, еще раз окинув герцога встревоженным взглядом, с некоторой неохотой отпустил поводья, после чего повернулся назад, к отряду, и принялся отчаянно жестикулировать, отдавая распоряжения. А герцог тихонько выпустил воздух сквозь стиснутые зубы. Да уж, на этот раз он испугался по-настоящему...

Когда одну луну назад кавалькада из двух десятков всадников и полутора десятков выючных лошадей выехала из ворот Парвуса, никто и предположить не мог, каким опасным окажется путешествие. Впрочем, разве не каждый шаг, который он сделал с тех пор, как принял *это* решение, был смертельно опасным?..

Эгмонтер ясно помнил тот вечер, когда он сидел в своем кабинете и смотрел на противоположную стену. Темнело. Лампу он не зажигал. Для этого надо было повернуться и поднять голову. А в подсвечнике все пять свечей почти догорели еще вчера. Имлан, старый дворецкий, был уже совсем стариком, и герцог приказал ему выбрать себе в помощники кого-нибудь помоложе. Но старый дурень испугался, что герцог собирается его заменить, и потому подбирал себе в помощники совсем уж безголовых тупиц, к тому же жутко его боящихся. А уж самого герцога они боялись так вообще до колик в желудке. Так что лишь в те дни, когда Имлан, шаркая своими старческими кривыми ногами с выступающими подагрическими суставами, поднимался по крутой лестнице в его кабинет и, отдышавшись, наводил здесь раз и навсегда установленный двадцать лет назад порядок, можно было надеяться, что все нормально. Но последнее время старик хворал и частенько манкировал этими ежедневными вскарабкиваниями по лестнице. В принципе это было не так уж страшно. Герцог и сам был аккуратист, поэтому его кабинет вполне мог и пару, и тройку дней пребывать в полном порядке и без какой бы то ни было уборки. Но вчера он засиделся, причем именно при свечах. А Имлан опять прихворнул и почти весь день провел в своей каморке, обмотав колени тряпицами, смоченными в целебных тра-

вяных настоях. Впрочем, толку от них было мало. Они приносили некоторое облегчение, но только пока тряпицы были намотаны на колени. А применять сильнодействующие мази или лечебные заклęcia Имлан опасался, поскольку привык, что герцог может вызвать его в любой момент. О том, что господин не переносит запаха чужих заклучтий, как и резких запахов – неперенных спутников сильнодействующих мазей, в замке знали, наверное, даже мыши и тараканы.

И потому, когда герцог, не поднимая головы от стола, привычным щелчком пальцев заставил пять фитильков вспыхнуть и заняться дрожащими язычками пламени, те дружно и самоотверженно бросились в атаку на тьму, постепенно заполнявшую кабинет. Но спустя всего лишь пятнадцать минут первый из них разочарованно задрожал и потух. Почти сразу же за ним последовал второй, потом третий... а когда герцог обратил внимание, что с трудом различает буквы на очередном свитке и поднял глаза, над вычурной ковкой подсвечника дрожал только один-единственный язычок пламени. Герцог раздраженно нахмурился, но затем его внимание привлекли тени, пляшущие на противоположной стене, и он замер, пораженный внезапно пришедшими в голову мыслями. Некоторое время он сидел, тупо пялясь на стену, а затем выпустил из рук свиток и откинулся на спинку кресла. Вот... вот оно... понимание того, отчего все его так скрупулезно разработанные планы непременно идут прахом. Все дело в том, что все это время он пытается усидеть на двух стульях. Принадлежать двум разным сущностям. Он уже давно пользуется темными искусствами, но при этом продолжает посещать храмы Светлых богов и стоять службы. Правда, не слишком обращая на все это внимание, поскольку уже давно уверился в том, что никаких Светлых богов нет. И самого Творца тоже. Может, и были когда-то, но теперь ушли. То ли для того чтобы, как говорят жрецы и посвященные маги, не ограничивать предоставленную человеку Творцом свободную волю, то ли по каким-то иным, только им известным причинам. Но ушли. А Темные нет. Темные, если верить легендам, были изгнаны из мира. Правда, недалеко. Так что их сила и мощь все еще явственно ощущаются здесь, в этом мире. И потому темные заклучтия столь эффективны и обладают такой силой, какая и не снилась всем этим так называемым светлым магам.

Герцог взволнованно вскочил на ноги и прошелся по кабинету. От резкого движения воздуха последний фитилек задрожал и погас. Но герцог привычно щелкнул пальцами, вытянув руку в сторону висящей над его креслом лампы, и та засияла ярким светом горящего очищенного земляного масла... Неужели он нашел, понял, что надо сделать, чтобы обрести силу и власть, коих достоин? Надо отринуть тех, кто является пустым местом. Кто забыл об этом мире, лицемерно прикрываясь бреднями о свободе воли. Ибо о какой свободе воли для своих подданных может думать настоящий властитель, чье предназначение состоит в том, чтобы властвовать над всеми волями и заставлять воли низших в благоговении склоняться перед своей? Он остановился, припомнив рассказы жрецов и учителей о том, что бывает с теми, кто рискнет пойти темным путем, а затем криво усмехнулся. Чепуха! Чушь! Они просто боятся конкурентов. Их сил достало только на то, чтобы овладеть слабенькими заклучтиями Света, использующими крохи силы, оставшейся от сгинувших Светлых богов. Эти жалкие черви не могут даже и помыслить о том, чтобы попытаться овладеть мощью, даваемой человеку, ступившему на темный путь. Он, сделавший только пару первых шагов, уже знает и умеет гораздо больше тех, кто с таким высокомерием носит мантию Императорского ковена. Что же ждет того, кто осмелится пройти по этому пути дальше? Кто полностью посвятит себя Тьме? Что тогда перед ним будут все эти маги, да и сам император?

Герцог хрипло расхохотался. Да, да, все именно так и никак иначе. И эти пляшущие тени, которые он заметил на стене и которые так походили на отблески огня Игхашкхаха, – это знак, посланный ему недовольными им Темными, предложение наконец-то определиться, сделать выбор между благостной пустотой и истинной силой. И... он сделает этот выбор. Темные будут довольны...

В тот вечер он приказал подать в свою личную столовую вина и фруктов и хорошенько отметил принятое решение, а утром вызвал к себе Беневьера и госпожу Нилеру. Спустя два часа они выехали через восточные ворота Парвуса на дорогу, ведущую к Эл-Северину. А в замке герцога началась суматоха, предшествующая началу любого дальнего путешествия достаточно большого количества людей. Особенно если один из этих людей является владельцем этого герцогства...

Ночь прошла спокойно. Лошадей с вечера накормили овсом и напоили из взятых с собой бурдюков. Те почти опустели, но в этом не было никакой особой беды. Уже завтра они должны были пересечь границу снегов, так что с водой проблем не предвиделось. С продуктами было хуже. Если там, куда они направлялись, не удастся пополнить запасы, то на обратную дорогу точно не хватит. Но куда они идут и чего ищут, было неизвестно никому, кроме самого герцога. Впрочем, это никого особо не волновало. Потому что почти треть его людей уже не раз забиралась с герцогом так далеко, что остальные две трети только разевали рты, слушая у костров рассказы о тех путешествиях. И, поскольку эта треть сейчас сидела перед ними, являя живой пример того, что из самых дальних и страшных путешествий, предпринятых герцогом, все-таки можно вернуться, эти две трети безропотно следовали за своим господином. А остальные, та самая треть, тоже... надеялись, что и на этот раз они окажутся в той малой части отряда, которой суждено вернуться, однако благоразумно не делились своими мыслями с остальными двумя третями.

Границы снегов они достигли к вечеру. Вернее, даже не снегов, а ледника. За следующим поворотом тропы или того, что герцог считал таковой, взору шедших первыми (поскольку ехать на лошадях здесь было совершенно невозможно, все спешились, ведя коней в поводу) внезапно открылось довольно большое озеро, почти в пол-лиги длиной и в четверть шириной. Слева воды этого озера низвергались вниз с отвесной стены, а справа по дуге шло открытое пространство шириной локтей в семь, образовавшееся, похоже, оттого, что вода отошла от скальных зубцов, ограничивающих озеро с этой стороны. Почему это произошло, можно было только гадать. Может быть, вода подмыла кусок скалы со стороны водопада, и он обрушился, снизив уровень слива, а может, просто зимой с той стороны на скалы намерзал лед и уровень воды в озере поднимался как раз на толщину льда... А вот напротив озеро ограничивал язык ледника, опускающийся прямо в воду. И снимающий всякие сомнения по поводу того, откуда в этом озере бралась вода.

Когда герцог добрался до остановившихся разведчиков, те уже наполнили бурдюки студеной ледниковой водой и взобрались на лошадей. Далеко ли, близко ли, но вокруг озера вполне можно было ехать на лошадях. По образовавшемуся от ухода воды галечному пляжу. Герцог окинул взглядом озеро, ледник и довольно улыбнулся. Все верно. Все так, как и было описано в том свитке. Только озеро теперь не примыкало вплотную к скалам. И потому можно будет проехать немного дальше, чем он первоначально рассчитывал. А главное – он почти у цели. До конца пути оставалось еще два дня. Всего два дня...

Герцог развернулся и коротко приказал:

– Ночевку устроим здесь.

Ночь прошла спокойно. С утра наполнили все бурдюки, у лошадей проверили подковы, и, когда солнце достигло зенита, первые лошади ступили на ледник.

Язык ледника, скатывающийся к озеру, они пересекли за полтора дня. Ехать на лошадях смогли только часа два, затем пошли расщелины, торосы, и пришлось спешиться да к тому же пуститься в обход. Две выюнные лошади и трое людей рухнули в ледяные расщелины. Двоих людей вытащили, а один сразу же сломал шею. Лошадей достать не удалось, но одну сумели разгрузить. К исходу второго дня уставшие люди достигли края ледника и спустились с него. Во время спуска еще один человек сломал ногу и его погрузили на одну из лошадей. Правда,

герцог отчего-то приказал, чтобы эту лошадь вели с собой разведчики. А на следующее утро вообще велел переформировать караван – в отличие от того, как было раньше, выставив в голову каравана не наиболее опытных, а, наоборот, самых молодых из числа своих слуг. На ветеранов дохнуло опасностью, но никто из них не подал вида. Наоборот, в их сердцах появилась слабая надежда, что господин хочет сохранять их до последней возможности. И это было важнее тех, как на самом деле все понимали, мнимых привязанностей, которые за время этого похода образовались между старыми и молодыми стражниками. Так что, когда утром последнего (как потом выяснилось) дня похода герцог взмахнул рукой, приказывая трогаться, две части каравана тронулись в путь с совершенно разным настроением. Молодежь – гордо подбоченясь и рисуясь друг перед другом, а ветераны – настороженно нахоясь и сторожко глядя по сторонам.

Последний участок пути они преодолели часа за четыре. По сравнению с тем, что уже остался за спиной, он был не слишком тяжелым. Более того, в самом конце они выехали на то, что можно даже было бы принять за дорогу или по крайней мере широкую утоптанную тропу. И это означало, что, скорее всего, они могли бы достигнуть этого места с гораздо меньшими трудностями. Если бы двинулись другим маршрутом. Но тут возникал вопрос, почему герцог, зная это, все-таки двинулся другим путем. Впрочем, наверное, у него были для этого основания. К тому же и сама тропа выглядела не слишком-то привычно: сколько люди ни приглядывались, так и не смогли обнаружить на ней ни единого следа от колес или даже копыт... Но это было видно и понятно ветеранам, которые благоразумно помалкивали. А молодежь просто бурно радовалась тому, что долгая и трудная дорога, похоже, скоро закончится, а сейчас можно вновь взобраться в седло и продолжать путь, не напрягая натруженные ноги.

Все произошло, когда тропа еще больше расширилась и, свернув, нырнула в широкую расщелину, сразу за которой скалы расступались, образуя небольшое ущелье, по обеим сторонам которого высились крутые, отвесные каменные склоны. Разведчики из числа молодых стражников, ведя в поводу коня, на котором восседал стражник со сломанной ногой, въехали в расщелину, не шибко оглядываясь по сторонам, а вслед за ними туда же втянулся и весь остальной караван. Измиер настороженно огляделся и, вскинув руку, энергичным жестом указал на одну из скальных стен, приказывая каравану сместиться к ней. Ибо другая была сплошь изрезана расщелинами и провалами, которые, несмотря на ясный день, заполнял густой сумрак. И в это мгновение из сумрачных расселин показались огромные глыбообразные фигуры. Несколько мгновений все ошеломленно пялились на них, а затем кто-то отчаянно закричал:

– Тролли!

Все смешалось. Кое-кто попытался повернуть лошадь, надеясь проскользнуть назад, кто-то, наоборот, выпрыгивал из седла в надежде забиться в какую-нибудь щель, кто-то просто орал, суматошно дергая повод. Старые стражники, так же как и все, поначалу уставившиеся на оживший кошмар любого солдата, быстро спешили и, повинаясь энергичным жестам джерийца, сомкнули вокруг герцога кольцо, быстро выстроив «ежа» и... оставив за сомкнутым строем почти две трети отряда. Впрочем, все понимали, что против троллей «еж» был не слишком эффективен. Тролля достанет силы швырнуть такой осколок скалы, что в «еже» тут же образуется сквозная брешь. Только строй латников, вооруженных специальными тяжелыми, так называемыми башенными щитами, мог бы некоторое время сопротивляться атаке троллей. А самым лучшим, что было у людей против этих тварей, был удар сомкнутого строя панцирников. Но здесь не было ни латников с их щитами, ни панцирников. И потому оставалось только надеяться на то, что господин знает, что делает. А еще на то, что две трети отряда, безумно мечущиеся сейчас между куцым строем стражников и приближающимися троллями, послужит для тварей достаточным угощением. И они вполне успеют насытиться, прежде чем доберутся до горстки людей, защищающих своего господина.

В этот момент первые твари добрались до того места, где скопилась большая часть обезумевшего людского стада. Некоторые из тех, кто завернул коней, попытавшись сбежать, уже попали в лапы живым глыбам, но о том, что с ними происходило, можно было догадываться только по звукам, доносящимся из-за поворота, – отчаянным крикам людей и испуганному ржанию лошадей, заканчивающимися одновременно с треском ломающихся костей и чмоканьем разрываемой плоти. А теперь все увидели то, как все это происходит. Головная тварь резко выбросила лапы, поймав сразу двоих. Причем один из стражников оказался сразу же раздавлен. Все услышали хруст ломающихся ребер, и в следующее мгновение отчаянно вопящая голова стражника безвольно обвисла. Второй, прихваченный не так плотно, визжа, попытался вырваться из сцапавших его пальцев, больше похожих на черенки галерных весел, изо всех сил дрыгая ногами и цепляясь за огромный камень, но тролль, нахмурясь, резко дернул. Визг стражника перешел в вой, а тролль озадаченно уставился на ногу, оставшуюся у него в руке. Сам же стражник рухнул на тот самый камень, за который цеплялся. Впрочем, его свобода длилась недолго. Его тут же сцапала следующая тварь и, так же как и первая, сдавила, ломая ребра, а затем, урча от удовольствия, откусила голову и присосалась к обрубку шеи с торчащим из нее позвоночником, жадно всасывая бьющий из нее фонтан крови...

Бойня утихла только через час. К тому моменту снег в круге выстроивших «ежа» стражников, старых ветеранов, видевших не одну битву, был полностью заблеван. Герцог и сам не менее трех раз вынужден был поддаться позыву опорожнить желудок. Уж больно страшным и кровавым было пиршество троллей. Герцог, с осунувшимся от рвоты лицом, некоторое время изучал уже слегка поднасытившихся тварей. А затем коротко приказал:

– Разомкните строй. Мне надо выйти.

Стражники безропотно разошлись. Ибо всем было понятно, что строй сейчас никак не служит им защитой. Скорее он помогал им более успешно цепляться за жалкие остатки самообладания, не позволяя броситься в панике куда глаза глядят с неминуемым результатом – оказаться в пасти очередной твари.

Герцог сделал несколько шагов вперед и остановился, прикидывая расстояние до ближайшей живой глыбы. Многим было известно, что тролли туговаты на ухо, но вот насколько это точно, никто не знал. Герцог глубоко вдохнул и заскрежетал, надсаживая горло, на том языке, который, как ему представлялось, был родным языком троллей.

Некоторое время ничего не происходило. Твари все так же увлеченно хрустели костями людей и лошадей. И герцог решил, что тугоухость троллей даже несколько преуменьшена, но затем тролль, на которого он ориентировался с самого начала, выплюнул из пасти тщательно обсосанный панцирь и, повернув морду в сторону Эгмонтера, пророкотал:

– Ты говоришь на нашем языке?

Герцог кивнул:

– Да.

Троль отвернулся и некоторое время молча сидел, обдумывая столь удивительный факт, а затем вновь повернул морду к Эгмонтеру:

– Зачем ты пришел?

– Я должен встретиться с вашими шаманами.

Троль вновь задумался. Его ответ прозвучал, когда герцог уже начал терять терпение:

– Шаманам нет дела до людей. – Троль приподнялся на нижние лапы и неторопливо двинулся к герцогу. Тот сглотнул. Сейчас! Если он ошибся и неправильно просчитал реакцию троллей, этот момент будет не только концом его путешествия, но вообще концом герцога Эгмонтера.

– Я принес им известие о древней реликвии вашего рода, которую они давно ищут.

Троль никак не отреагировал на его слова, продолжая молча приближаться. Герцог почувствовал, как у него холодеют и подгибаются ноги, но упрямо вскинул голову и остался

на месте. Он *должен* был рискнуть. Ибо будущее величие требует от своих соискателей рискнуть многим, дабы получить еще больше. Тролль остановился, и чудовищная пасть нависла над головой герцога. На Эгмонтера пахнуло жутким смрадом. А затем пасть произнесла:

– Хорошо. Я отведу тебя к шаманам...

К шаманам Эгмонтер попал только на следующий день. Вечером им разрешили разбить лагерь. К удивлению герцога, тролли сожрали не всех даже из той части отряда, что была им самим предназначена на заклятие. Несколько человек сумели забиться между камнями, и тролли их не учуяли. Ну еще бы. В том месте до сих пор стоял густой смрад. Так что спустя некоторое время после того как люди запалили костры, к ярко освещенному пространству, трясаясь от страха, выползли еще с дюжину спасшихся.

Утром в лагере появился давешний тролль. Он походя сцапал стражника, оказавшегося в пределах досягаемости его лапы, со вчерашней сноровкой откусил ему голову и, сплюнув шлем, старательно высосал кровь, а потом, урча от удовольствия, неторопливо сожрал его. После чего старательно слизнул с морды заляпавшую ее кровь и повернулся к герцогу:

– Идем. Шаманы ждут.

Шаманов оказалось семеро. И добираться до них пришлось почти два часа. Они встретили его среди хаоса каменных скал, чем-то напоминавшего какой-то уродливый лес, состоящий из деревьев, на которых не было ни одной ветви. Только толстые, голые, причудливо изогнутые стволы.

– Что ты хотел сказать нам, человек?

Герцог сделал шаг вперед и, вытащив из-за пазухи сверток, осторожно положил его на землю. Шаманы молча смотрели на него. Герцог неторопливо перерезал бечевку, а затем осторожно развернул шкуру гхарка, тщательно следя за тем, чтобы даже случайно не коснуться того, что находилось внутри.

Когда он закончил, все семеро шаманов издали протяжный стон. Эгмонтер замер. Несколько мгновений ничего не происходило. Шаманы зачарованно пялились на содержимое свертка. Потом крайний из них повернулся:

– Откуда ты его взял?

Герцог облизнул внезапно пересохшие губы.

– Мне принес его один вор. Э-э... я известен среди людей как человек, который платит хорошие деньги за всякие диковинки, древние свитки, старинные амулеты. И поэтому мне часто несут то, что не надеются продать кому-нибудь другому.

– Ты знаешь, *что* это?

– Да, – торопливо кивнул герцог, – именно поэтому я не посмел прикоснуться к нему. И сразу стал собираться в путь, дабы вернуть вашему народу давно утраченную реликвию.

– Где вор?

– Мертв, – твердо произнес герцог. Тем более что это было сущей правдой. Неправдой было то, что сам герцог не прикасался к этому предмету. И он знал, что шаманы троллей способны точно установить, что как минимум один человек, прикасавшийся к их реликвии, еще не ушел в царство мертвых. Древние слуги темных богов были способны на многое... но Эгмонтер надеялся, что ему удастся обмануть шаманов, отведя угрозу от себя и направив ее на другого человека. Он очень постарался для этого.

– А тот, у кого вор украл?

– Он... жив.

Шаман наклонился над шкурой и, поведя носом, несколько раз шумно втянул воздух.

– Ты сказал правду. Среди тех, кто касался *его*, есть один живой.

Шаман выпрямился.

– Кто он?

Эгмонтер сглотнул... удалось.

– Его имя – герцог Арвендейл!

Шаман согласно кивнул.

– Чего же ты хочешь?

– Я хочу... поговорить с вашим вождем, самым главным из народа троллей.

– Зачем?

– Это я скажу только ему.

Шаманы переглянулись. Некоторое время никто не произносил ни слова, но герцог дал бы руку на отсечение, что все это время шаманы напряженно совещались. И, возможно, не только между собой. Наконец тот шаман, что все это время разговаривал с ним, вновь повернулся к герцогу:

– Хорошо. Завтра.

Когда он вернулся, оказалось, что его отряд уменьшился еще на четверых. Тролли просто подходили поближе и хватали первого попавшегося человека, после чего устраивали трапезу прямо на месте...

Следующим утром его вновь привели на то же место. Шаманы ждали его. Тот, кто разговаривал с ним вчера, разинул пасть и пророкотал:

– Ты сказал правду, человек. Тот, кого ты назвал, действительно есть среди людей. И к нему тянется след от *него*. Поэтому мы позволим тебе встретиться с тем, с кем ты хотел.

Герцог согласно кивнул и украдкой перевел дух. Свиток не обманул. Ему действительно удалось перекинуть *свой* след на того, кого он ненавидел больше всего на свете. Того, который сумел походя разрушить его самые тщательно разработанные планы. Того, кто осмелился претендовать на достоинство, на самом деле доступное людям только по праву рождения... Но сейчас было не до этого.

– Я готов, – твердо произнес герцог, – далеко ли идти?

– Нет, – ответил шаман и, развернувшись всем телом, указал куда-то внутрь мешанины скал: – Туда. В пещеру.

Пещеру герцог обнаружил довольно быстро. Правда, всю дорогу его преследовала мысль, как же сами тролли пробираются к ней. Ибо он сам едва смог протиснуться среди мешанины каменных пальцев.

Остановившись, он некоторое время всматривался в густой сумрак, скрывавший то, что находилось в глубине пещеры, а затем тяжело вздохнул и шагнул вперед.

Когда глаза немного привыкли, оказалось, что в пещере не так уж и темно. Эгмонтер сделал несколько шагов и остановился у огромной глыбы, покрытой мхом, озираясь по сторонам и пытаясь отыскать хоть что-то, что натолкнуло бы его на идею, куда идти. Он все еще озибался, когда глыба вздрогнула, отчего с нее посыпались мелкие камешки, и пророкотала:

– Гхыто грывело гхыбя гхуда, гхеловекх?

Герцог Эгмонтер замер, не решаясь даже вытереть холодный пот, который прошиб его, едва зазвучали эти слова. Похоже, даже чудовищный язык троллей давался этой древней глыбе с трудом. Во всяком случае, он не столько понял, сколько догадался, о чем его спросили.

– Йи-а... хотел бы поговорить с вашим... с вашей... с главным шаманом.

– Гха – хсамыйх гхлахныйх.

Герцог Эгмонтер еще раз украдкой окинул взглядом пещеру. Если *это*, конечно, можно было назвать пещерой. Расщелина, заполненная всяким скальным мусором величиной от булыжников в пару его кулаков до глыб, которые высотой превосходили стену Парвуса, вот что это было. Никакого намека на ложе или место, где эта древняя замшелая глыба принимала пищу. Если она, конечно, еще хоть что-то ела. И когда-нибудь спала... Глыба молча ждала ответа. Впрочем, ей-то что, для нее, наверное, вообще не существует такого понятия, как минута, а может, даже и час.

– Я... хотел бы пройти Посвящение.

Произнести это было нелегко. Несмотря на все прежние решения и поступки. Но он смог. Произнес. И теперь путь назад был отрезан.

Глыба некоторое время сидела молча, так что Эгмонтер даже начал опасаться, что она уснула... или окончательно окаменела. Но затем чудовищная пасть снова разверзлась, и оттуда прозвучало:

– Гхалц.

– Что? – не понял герцог.

– Гхай гхне гхвой гхалц.

Герцог мгновение недоуменно пялился на глыбу, а затем до него внезапно дошло.

– Палец? Мой палец?!

– Гха.

– Но... зачем?

– Гхесть.

Герцога передернуло. *Это* хочет сожрать его палец!

– Но... я не понимаю, я же принес вам великую реликвию вашего народа и... рассказал о том, кто все это время хранил ее у себя. Так что вы теперь можете исполнить свой древний закон и...

– Гхалц.

Герцог недоуменно покосился через плечо на провал, через который он проник в... ладно, будем считать это пещерой.

– Гхалц гхли гхади.

Уходить? После всего, что он перенес? После того как скормил этим тварям половину своего отряда? Ну уж нет! Герцог решительным жестом выхватил кинжал и огляделся в поисках подходящего обломка, способного послужить разделочной доской. Но тут из глотки глыбы вновь раздалось слово.

– Гхне гхетм.

Герцог недоуменно воззрился на... Темные боги, *это* никак не было возможно обозначить привычным словом «собеседник».

– Но чем?

– Гхоложих гсюдах.

– Сюда?

– Гхв гхменях. Гсамх гхадгхрыху.

Герцог содрогнулся. *это* собирается лично отгрызть у него его собственный палец. Он медленно убрал кинжал, затем спохватился и вытащил его снова. Отхватил им полосу от своего и так уже изодранного плаща. Опять убрал кинжал. Обмотал отрезанным куском руку, оставив снаружи только мизинец. Все это время прекрасно понимая, что делает все это лишь для того, чтобы максимально отдалить тот момент, когда ему все-таки придется вложить свой палец в эту уродливую пасть... Но всему рано или поздно приходит конец. И вот все, что он мог придумать, дабы отдалить тот страшный миг, было исполнено, и герцог замер, глядя на темный провал пасти, как кролик на удава.

– Гхалц!

Герцог вздрогнул и, глубоко вдохнув, вытянул руку вперед. Чудовищная пасть пришла в движение, и в следующее мгновение герцог закричал...

Глава 4

– Вот они!

Старшина Фодр зло оскалился и, приподнявшись, показал кулак разведчику, прошептавшему эти слова. Орки – это тебе не тугоухие тролли. Они – твари чуткие. А засада, она засада, только если тебя не обнаружили. Во всяком случае до времени. А уж эту засаду пошло про-шляпать совсем не хотелось бы. Уж больно место удачное. Дорога идет вдоль топкого ручья, текущего по дну оврага, и до того склона, на верху которого они засели, простирается луг. Так что для стрелков открывается едва не три сотни шагов открытого пространства. Стреляй – не хочу. Вполне можно положить отряд раза в три, а то и в четыре больше, чем тот, что засел в засаде. К тому же выше по течению ручья устроена запруда. Не то чтобы очень, но метра на три воду поднимает. Это сопляк-герцог хитро придумал, ничего не скажешь. Правда, образовавшееся озерцо пока еще не все водой заполнилось, да еще из-за этого и берега ручья тоже подсохли и стали более или менее проходимыми. А если бы не пара ключей, что выбивались из-под земли как раз на этом участке, ручей бы и вовсе пересох. Но, может, это и к лучшему. Больше шансов за то, что орки двинутся этой дорогой, а не свернут где-нибудь еще. Впрочем, похоже, теперь об этом можно не беспокоиться...

Всадники на варгах выскочили из-за поворота почти сразу же после того, как Фодр вновь приник к земле. Востороглазый паренек из Калнингдайма, которого Фодру порекомендовал сам мастер Титус, сумел-таки углядеть их разъезд сквозь густую листву задолго до того мига, как они вошли в зону обстрела. Так что, пожалуй, даже выволочка была не к месту. Кажется, его звали Парбой... но сейчас пока было не до похвал. Передовой варг внезапно остановился, упершись в землю всеми четырьмя лапами, взметнув клубы пыли, и, вытянув морду к земле, принялся принюхиваться. Фодр зло ощерился. Унюхал-таки. Несмотря на то что он, старшина Фодр, самолично посыпал пыль истолченными в мельчайшую крошку сушеными цветками икиля. Считалось, что он отбивает любой запах. Неужто придется начать стрелять с такого расстояния? Ох, не хотелось бы...

Но, похоже, варг унюхал не человеческий запах, а именно этот самый сушеный икиль. Потому что, втянув носом воздух, он внезапно сморщился и... гулко чихнул. Остальные варги тут же отозвались на это злобным ворчанием, а орки утробно зарычали. Орк, сидевший на первом варге, злобно рявкнул и пнул своего варга тяжелой когтистой лапой. Тот зарычал, но послушно тронулся вперед. Фодр тихо перевел дух: вроде пронесло, но тут же вновь напрягся. До той линии, которую он определил как начало атаки, первому варгу осталось сделать всего шесть прыжков. Пять. Четыре. Три. Два.

– За Арвендейл! – взревел старшина Фодр, вскакивая на ноги и натягивая лук.

– За Арвендейл!! – проревели ему в ответ почти два десятка глоток. И спущенные тетивы запели свою смертоносную песню...

Орочья орда накатывалась на Арвендейл с неумолимостью морского прилива. Вернее, это была даже не орда, а так называемая Гурьба. Множество мелких орд, объединенных в одну. И их численность была больше, чем первоначально известные цифры. Семьдесят тысяч было только в орде западных орков. А все остальные, которых западные сумели объединить в Гурьбу, дали еще почти шестьдесят тысяч воинов. И западные без стеснения использовали их как пушечное мясо, заставляя своими телами проламывать Гурьбе дорогу сквозь завалы и заслоны, которыми Трой пытался хоть немного замедлить продвижение орков.

Первая серьезная схватка произошла на берегу безымянной реки. Она была не слишком широка, но довольно глубока и имела слишком топкие берега, чтобы ее можно было преодолеть с ходу. Вести о том, что Крадрекрам и Эллосил очищены от скверны и вновь готовы при-

нять в свои объятия изгнанников из народов гномов и эльфов, разносились все шире и шире. И оттого ручеек тех, кто желал бы вновь поселиться в древних твердых своих народов, хоть и был достаточно тонким, но не иссякал. Поэтому, когда в усиление пяти сотен разведчиков к ущельям, стражем которых высился древний Крадрекрам, ныне именуемый Каменным городом, подошли дополнительные силы, среди них было уже почти восемь сотен эльфов. Да и число самих гномов в Каменном городе приближалось к этой цифре.

Поэтому Трой, до той поры больше практиковавший засеки, засады и дальние обстрелы с выгодных позиций, решил устроить оркам настоящую головомойку. На том берегу реки, со стороны которого подходила орочья Гурьба, несколько мастеров под руководством двух оставшихся в живых умельцев из Зимней сторожи закопали с сотню сосудов с земляным маслом, проложив от них аж восемь огнепроводных трубок-запалов. А на этом берегу в двадцати шагах от реки был вырыт не шибко глубокий ров и насыпан вал, на котором установили сплетенные из ивняка высокие корзины, засыпанные землей. На серьезные укрепления времени не хватило, но даже эти не давали никакому, даже самому сильному варгу преодолеть их одним прыжком и заставляли перед самым валом изрядно замедлить разгон. Сразу за корзинами с землей установили корзины пониже, туго забитые стрелами, расход коих планировался весьма большой. А у этих корзин расположилось почти четыре тысячи стрелков – эльфов и людей. Трой рассчитывал, что сможет удержать орков на этой позиции дня на два, а втайне надеялся, что и поболее. Но вышло по-иному.

Сторожевые посты заметили орков за два часа до полудня. Трой тут же приказал сыграть тревогу и сворачивать лагерь. Хотя старшина Фодр, уже не раз показавший себя в рейдах и засадах, ворчал себе под нос, мол, на кой оно надо, все равно ведь собираемся стоять здесь два дня и более и чего людей надирать перед боем. На что Трой возразил, что оно, конечно, позиция выгодная и надежда задержать орков есть, но кто его знает, как повернется. Лучше, ежели что, быть готовыми к отходу. Тем более что стоять насмерть здесь никто и не собирался. Да и вообще, если даже все и получится как задумано, то все одно опять же поспать вряд ли удастся. Надо будет все время быть настороже, не полезут ли орки под покровом тьмы и не переправят ли где лигах в двух выше либо ниже по течению сильный отряд, чтобы ударить с тылу. Фодр, конечно, еще поворчал, но в душе вынужден был признать правоту молодого герцога.

Первые всадники на варгах ринулись к речке, еще когда не все из стрелков заняли позицию. То есть сразу же, как увидели врага. Оно и понятно. Варг – верховое животное не шибко удобное, двигается он скачками, так что всадника во время движения мотает на нем почем зря. Другой вопрос, что в ближнем бою это неудобство сторицей окупается тем, что варг и сам по себе грозный противник. Зато стрелять с варга почти невозможно. Так что единственным оружием дальнего боя, что имелось у всадников, были метательные топоры. Да и те никогда не были шибко эффективными. Разве что по плотной толпе. Так что всадникам надо было либо отойти, что было совсем не в норове орков, но иногда случалось, либо, быстро переправившись через не особенно широкую речку, броском преодолеть расстояние до примитивных укреплений людей и сцепиться с ними врукопашную. А там уж, под прикрытием этой завязавшейся свалки, реку преодолеют основные силы, и тогда людишкам уже некуда будет деваться. Все как и рассчитывал Трой.

Первыми ударили эльфы. Их стрелы засвистели, еще когда варгам, до того как влететь в реку, оставалось больше сотни прыжков. И воздух тут же наполнился визгом умирающих варгов и воем орков. Еще через полсотни шагов в дело вступили стрелки людей, пусть и не столь искусные, как эльфы, зато гораздо более многочисленные. И орки не выдержали. Когда до реки осталось всего полтора десятка шагов, они поворотили варгов и бросились наутек, сопровождаемые восторженными криками людей и ликующим пением эльфов. Трой удовлетворенно кивнул. Пока все шло так, как он и рассчитывал.

Следующая атака началась через четыре часа. И на этот раз силы орков были в разы многочисленнее. Число всадников на варгах увеличилось как минимум в три раза. А за ними с ревом неслись пешие орки.

На этот раз эльфы пустили первые стрелы на три десятка шагов раньше, чем в прошлый раз. И вместе с ними ударили две сотни гномьих арбалетов, которые люди привезли с собой. Во время первой атаки их даже не стали заряжать и устанавливать, потому что, во-первых, слишком быстро началась атака и, во-вторых, потому что Трой не хотел сразу открывать все свои карты. Хотя, если бы всадники первой волны не ринулись сразу в атаку, а немного подкопили силы, вполне возможно, до арбалетов дело дошло бы и в первой волне.

Залп был страшен. Люди не рискнули состязаться с эльфами в искусстве стрельбы, поэтому арбалетки по большей части целили в более крупных варгов. Первые несколько рядов всадников буквально скосило. Варги, пробитые навывлет тяжелым арбалетным болтом, кубарем катились по земле, давя и опрокидывая тех из своих всадников, кто еще не поймал эльфийской стрелы и успел выскочить из седла. И лавина мчащихся варгов невольно замедлилась, давая людям и эльфам лишние мгновения на то, чтобы выпустить еще несколько драгоценных стрел. Это ли было причиной, либо что-то другое, но, когда первые всадники выбрались на противоположный берег, от лавы варгов осталась едва ли одна треть. А ведь предстояло еще преодолеть почти два десятка шагов, а затем перебраться через ров и взобраться на вал. И все это под плотным ливнем стрел, когда стрелкам уже почти не требуется целиться и брать упреждение. Руки просто рывком выхватывают стрелу из уже изрядно опустевшей корзины и, привычным движением наложив ее на тетиву, резко натягивают и почти сразу же отпускают тонкую жилу тетивы. А над всем валом стоит один слитный переливающийся хлопок-клекот. Это тетивы бьют по кожаным защитным наручам стрелков.

До земляных корзин добралось всего чуть больше десятка варгов, половина из которых была без всадников. И лишь двое сумели дотянуться до стрелков. Эльф умер на месте, просто перекушенный мощными челюстями, а человек сумел вогнать в глотку варгу свой спущенный лук, но получил касательный удар по шлему от его всадника и опрокинулся на спину, потеряв сознание. Но это были единственные потери.

Однако, пока стрелки разбирались с всадниками, орущая толпа орков добралась до реки. И это было гораздо опаснее. Поскольку орков в этой волне было едва ли не в два раза больше, чем всадников. А руки стрелков уже начали дрожать от напряжения. Но выхода не было. И ливень стрел обрушился на следующую волну казавшегося нескончаемым прилива. Некоторое время казалось, что еще немного, и орков уже будет не остановить, все больше и больше их выбиралось на берег и успевало сделать сначала один, затем два, а потом уже и с десятков шагов, прежде чем рухнуть со стрелой в шее, ключице или глазнице. Но затем Трой встрепенулся и, развернувшись к Фодру, заорал:

– Старшина, быстро в обоз – пусть зарядят все арбалеты!

Фодр удивленно воззрился на него. После первого залпа арбалеты заряжать не стали, возницы и погонщики из числа тех, кто доставил сюда ивовые корзины или прибыл с припасами для стрелков, торопливо унесли их обратно в обоз, чтобы, согласно приказу Троя, уложить на возы, дабы лагерь был готов немедленно сняться с места. И вот такой поворот.

– Быстрее, старшина! – рявкнул Трой. И Фодр почувствовал, что ноги сами понесли его в сторону обоза. А мчавшийся рядом Трой пояснил:

– Похоже, эти – из мелких орд. Они почти без доспехов, а те, что есть, – кожа, причем старая. Гномьи болты прошивают их навывлет.

– А стрелять кто будет? – ворчливо огрызнулся Фодр. – И так орки почти до рва добрались, а если две сотни стрелков из боя исключить, то никакие арбалеты не спасут – эти свинорылые тут же на валу окажутся.

Трой отмахнулся:

– На таком расстоянии и обозники не промажут.

Они едва успели. Первые орки уже карабкались на вал, когда набранные со всего обоза две сотни человек, которым наскоро объяснили, как обращаться с арбалетом, пригибаясь, дабы не загораживать сектор обстрела держащимся на последнем издыхании стрелкам, добрались до наполненных землей корзин.

– Приготовиться! – выкрикнул Трой. И тут же разрядил арбалет в орочью рожу, появившуюся в просвете между корзинами.

– Залп! – заорал он, торопливо заряжая арбалет. Над полем боя пронесся гулкий, вибрирующий звук. Две сотни стальных луков, спущенные одновременно, сработали, будто гигантский клавесин. Вот только в отличие от клавесина результатом этого действия был отнюдь не только звук. Большую часть орков, уже густо заполнивших пространство между берегом и рвом, буквально опрокинуло. Стрелки из обозников были, конечно, аховые. Поэтому едва ли треть из них попала по тем, по кому целилась. Но орков было так густо, что даже те, кто промахнулся, все-таки в кого-то попали. А тяжелый болт гномьего арбалета на таком расстоянии не способен остановить никакие доспехи. Поэтому даже попадание в плечо означало не просто ранение, а то, что плечо вместе с лапой орку просто отрывало напрочь и частенько пришили к груди или животу другого орка. Потому что остановить болт тяжелого гномьего арбалета телом всего лишь *одного* орка на таком расстоянии было невозможно. И этого орки уже не выдержали. Сначала один, потом еще несколько повернулись и бросились обратно к реке. А поскольку у стрелков были более важные цели, все еще упрямо лезущие вперед, эти орки сумели добраться до реки и с шумом и плеском броситься в воду. И это оказалось примером для всех остальных. Вся ревущая орда, еще мгновение назад с налитыми кровью глазами лезшая вперед, почти одновременно развернулась и рванула обратно, не обращая никакого внимания на стрелы, летящие им в спины...

Когда последний бегущий орк выбрался за пределы дальности эффективного огня даже эльфов, Трой опустил арбалет и перевел взгляд на поле боя. Оно... шевелилось. И выло. Сотни раненых орков, с трудом передвигая лапы, пытались ползти в сторону реки или, на том берегу, наоборот, подальше от нее. Некоторые из них – те, в кого вонзилось несколько стрел, но ни одна не задела какого-нибудь жизненно важного органа, – чем-то напоминали какие-то странные кусты либо ежей, у которых осталось всего несколько колючек. Другие представляли собой просто обрубки.

Трой вскинул руки и скрестил их над головой, скомандовав прекращение стрельбы. Добивать всех этих не было смысла. Большинство и так сдохнет, а кто нет – вряд ли станут в строй ранее, чем через полгода-год. А вот обузой для остальной Гурьбы послужить вполне могут. Ведь раненых надо уложить на повозки, которые до того везли что-то важное, что совсем бы не помешало Гурьбе в этом походе. Выделить им возниц, санитаров, а откуда их взять, как не из числа воинов? Да и шаманы должны истратить на них какую-то часть маны, а если нет, то опять же отправить не один десяток орков собирать целебные травы или пустить на них уже собранные запасы, уменьшая их. Так что как ни бери – один раненый орк отвлекал от боя как минимум одного целого и здорового.

– Да уж, – пробормотал Фодр, – бойня. Тысяч десять положили. А то и все двенадцать.

Трой перевел взгляд на вал. Большинство стрелков сидело на земле, тяжело дыша и привалившись спиной к корзинам с землей. Некоторые, кто покрепче, пошатываясь, брели к обозу. Луки тоже не выдержали страшного напряжения. У одних лопнула тетива, у некоторых ость расщепилась на волокна, а из тех, что пока выглядели прилично, большинство просто повело.

– Да-а... – покачал головой Трой, – следующей волны мы не выдержим. – Он хмыкнул: – А я-то размечтался – два дня, два дня.

Старшина Фодр только открыл было рот, чтобы ответить, но тут послышался чей-то испуганный крик:

– Орки! Опять!!!

Трой выругался.

Те из стрелков, что сидели на земле, растерянно повскакивали, но времени на то, чтобы добраться до обоза и поменять негодные луки, уже не осталось. Но кто же знал? Между первой и второй волной прошло несколько часов!

Трой какое-то время смотрел на катящуюся на них лаву, а затем спокойно приказал старшине:

– Всех, кто не успел поменять луки, – на коней и уводи. Пусть по пути возьмут из возов основу и тетиву и натягивают ее уже в седле, на ходу. Я с остальными их немного задержу.

Фодр насупился.

– Ты вот что, парень, коль ты у нас герцог, так на тебе оборона всего Арвендейла. Так что я думаю...

Трой скрипнул зубами. Ну что за дурацкая привычка у его подданных – по всякому поводу иметь свое мнение и высказывать его, да еще в самый неподходящий момент!

– Старшина, к темным богам то, что думаешь! Я *знаю*, что делать, чтобы спасти людей. Так что бегом, делай, что тебе приказано!

Фодр еще больше помрачнел, но, к счастью, не стал вступать в дальнейшие пререкания, а резво развернулся и, тяжело топая, понесся в сторону обоза. А Трой, повернувшись к валу, нашел глазами мастеров, занимавшихся закладкой сосудов с земляным маслом, и энергично махнул рукой, привлекая их внимание.

– Будьте готовы. Когда махну, тут же поджигайте запалы.

В этот раз всадников на варгах было чуть больше, чем в первой волне, зато пеших орков едва ли не в три раза больше, чем во второй. А встречала их едва ли треть от того числа стрелков, что стояли на валу во время первой и второй атаки.

Трой несколько мгновений боролся с искушением рассечь огнем земляного масла волну всадников на варгах ровно наполовину, но тогда существовала серьезная опасность, что, когда они покончат с теми, то окажется по эту сторону стены огня, времени, чтобы оторваться от остальных, у них не останется. Тем более Трой понимал: большинство стрелков вообще будет еле держаться на ногах. Поэтому, едва только число всадников, бросившихся в реку или уже выбравшихся из воды на этот берег, приблизилось к пяти сотням, он вскинул руку и резко взмахнул. Некоторое время, пока огонь бежал по запальным трубкам, орки продолжали все так же валом переть вперед, но вот где-то внизу, под их ногами, послышался какой-то непонятный гул, а в следующее мгновение фонтаны огня с ревом выплеснулись из-под земли и обрушились на мчащихся вперед орков огненной волной.

С учетом того, что из полутора тысяч стрелков, оставшихся прикрывать отступление, восемь сотен составляли эльфы (их луки оказались куда выносливее, чем у людей, и почти не потеряли в дальности и точности боя, что, впрочем, никого не удивило), орков, оказавшихся отрезанными стеной огня от остальных, перестреляли через полторы минуты. После чего Трой вскинул руку и, сделав круговое движение над головой, бросился в сторону, где его уже ждал оседланый Ярый...

Когда плотная кавалькада всадников, перейдя на шаг, начала взбираться по крутому холму, отстоявшему на две лиги от той реки, где остался их оборонительный вал, Трой обернулся и привстал в стременах. Место, где должны были находиться их оборонительные сооружения, было сплошь затянуто дымом. Трой криво усмехнулся. Да уж, ивняк, из которого были сплетены корзины, был еще довольно свежим и потому горел плохо. Но это было вторично. А главным было то, что Гурьба переправилась через реку. Выиграть два так необходимых дня не удалось...

До ближайшего от места боя южного ущелья Трой добрался к исходу вторых суток. Армия уже была там. Почти тридцать пять тысяч воинов, половина из которых – императорские гвардейцы, наемники и северные варвары, а остальные – ополчение городов Арвендейла. И более чем по восемь сотен гномов и эльфов. Мало... чудовищно мало. Даже с учетом того, что за это время им удалось сократить Гурьбу на пятнадцать – двадцать тысяч воинов и, как он надеялся, перебить большую часть всадников на варгах.

Поднявшись по ущелью две с половиной лиги, отряд Троя доехал до двух скал, издревле носивших название Южные врата. Они действительно по какому-то природному капризу были очень похожи на столбы ворот. А может, совсем и не природному. Они же находились во владениях гномов.

За полсотни шагов до Южных врат Трой остановился и, заслоняя глаза ладонью, вгляделся в гору, возвышающуюся впереди. В недрах этой горы раскинулся Каменный город. А где-то вон там, где вырастала из склона угрюмая скала, древние гномы вырубили площадку, на которой расположили свою самую большую метательную машину. К сожалению, она была совершенно непригодна для использования. Ибо эта машина была слишком велика, и потому древние мастера Крадрекрама, в отличие от всех остальных машин, для этой даже не предусматривали возможности откатить ее в специально вырубленную в скале камеру, в которую вел наклонный ход изнутри города. По этому ходу к метательным машинам прибывали по тревоге расчеты и доставлялись каменные ядра и метательные копья, которые изготавливались в мастерских, расположенных в недрах гномьего города. Эти ядра и сейчас лежали в камерах аккуратными горками. А вот от копий не осталось ничего, кроме тяжелых кованых наконечников. Да и те были все изъедены ржавчиной. Но Трой надеялся, что за то время, что они сдерживали продвижение Гурьбы, Гмалину удалось привести в рабочее состояние хотя бы часть машин. Потому что иначе у них не было вообще никаких шансов выстоять.

Едва Трой проехал скалы, из-за которых ущелье и называли вратами, перед ним открылся лагерь армии. Северное ущелье было более узким и длинным, а потому считалось более приспособленным к обороне. К тому же наблюдательные посты гномов держали под контролем подходы к обоим ущельям, но если к южному только лиг на пять, то к северному, дорога к которому шла вокруг горы, на целых двадцать. А наиболее удобный для обороны участок северного ущелья располагался в его верхней четверти. Так что если бы существенные силы орков двинулись к северному ущелью, войска людей успели бы занять позиции задолго до того, как к ним подошли бы орки. Поэтому лагерь армии решили разбить здесь, в южном.

Встречать возвращающийся отряд высыпало много людей. Еще вчера Трой отправил гонца с отчетом о не слишком удачной битве у реки, и все знали, что орки на подходе. Но за прошедшие сутки могло случиться все что угодно. Поэтому большинство тех, кто встречал отряд, тревожно вглядывались в суровые лица людей и эльфов...

Лиддит ждала Троя в штабной палатке. Она была одна, но Трой, когда подъезжал к палатке, видел, что к ней спешат граф Шоггир, Эрик Два Топора и остальные командиры. Поэтому они позволили себе только короткие объятия и несколько торопливых поцелуев...

В целом доклады были утешительные. Гмалину с помощью мастеров из числа людей удалось восстановить и укомплектовать расчетами четыре пятых всех метательных машин, прикрывающих южное ущелье, и еще больше тех, что прикрывали северное. Сектора обстрела бойниц, прорубленных в скалах, также были по большей части расчищены. Обороняющимся даже удалось возвести небольшую, где-то в полтора человеческих роста, стену, перекрывающую ущелье. Скорее даже не стену, а насыпь, только сделанную не из земли или песка, а из камней. Ибо мастеров-каменотесов не хватало и построить что-то более прочное не было ни сил, ни времени. Зато эту насыпь покрыли тростниковым настилом, для того чтобы, если насыпь начнет осыпаться, у бойцов, стоящих наверху, было больше шансов остаться на ногах. В полусотне шагов за насыпью мастера возвели помосты, на которых во время сражения должны были

размещаться стрелки, а чуть дальше было установлено несколько полевых метательных машин. В принципе Трой одобрил подобную расстановку. Помосты были установлены на столбах, и потому подходу к линии обороны новых подкреплений ничего не мешало.

В общем, вроде как они подготовились к обороне так хорошо, как только могли. И в то же время все понимали, что на самом деле шансов у них довольно мало. И дело было не столько в подавляющем численном превосходстве орков, сколько в том, что они ничего не знали о планах самой сильной части орочьей Гурьбы – шаманов...

Вечером, когда они лежали на смятых простынях (это было не слишком честно по отношению к остальным воинам, оставившим своих любимых дома, но они не смогли устоять перед возможностью последний раз окунуться в омут чувств), Лиддит, отдышавшись, прижалась к нему всем телом и прошептала в ухо:

– Трой, любимый, неужели завтра настанет наш последний день?

Трой повернулся и, обняв любимую за плечи своими сильными руками, отрицательно мотнул головой:

– Нет, моя любовь... точно нет.

– Почему ты так уверен?

Трой пожал плечами:

– Боги ведут меня в этой жизни к чему-то очень сложному и... великому. Я даже не знаю, для чего я им понадобился, но уж точно не для того, чтобы сложить голову, так ничего в жизни и не достигнув.

Лиддит фыркнула:

– Не достигнув?... Да о тебе *уже* сложены такие легенды, что затмевают деяния Илдриса Сильного или Смелли Второго.

– Легенды... – Трой усмехнулся. – Это чепуха. Я же на самом деле еще ничего не достиг. У меня нет ни *дела*, ни *рода*. Ни того, что *уже* создано, ни тех, кому это можно передать. Я же по-прежнему герцог даже без собственного замка. И мне по-прежнему даже негде преклонить главу...

– Ну, – хитро усмехнулась Лиддит, – насчет этого можешь не сомневаться. Теперь есть. Ведь любая женщина, выйдя замуж, прежде всего начинает обустривать свое гнездышко.

– Лиддит, – удивленно воззрился на нее Трой, – ты что же, посмела отвлечь мастеров от... – Он мотнул головой. – Вот уж нет, ни за что не поверю.

Лиддит тихонько рассмеялась:

– Да нет, просто растения, выросшие из семян, что рассыпали мастера Алвур, наконец-то разделились с запахом. Да заодно, как выяснилось, они еще и полностью очистили верхний слой камня. Так что перед самым отъездом я... согласилась на предложение графа Шоггира позволить воинам из числа тех, кто не был отряжен в помощь мастерам, помочь нашей совсем уж немногочисленной челяди извлечь мебель из подвалов замка и расставить ее по комнатам. Поэтому тебя, мой милый, по возвращении ждет небольшой сюрприз.

Трой усмехнулся и лишь сильнее сжал в объятиях любимую женщину. Лиддит счастливо притихла и закрыла глаза, но затем внезапно дернулась и, вывернувшись из его объятий, села на ложе и развернулась к нему.

– О темные боги, я едва не забыла. Есть еще кое-что, о чем ты должен непременно узнать...

И она рассказала ему о последнем разговоре с сестрой.

На следующее утро их разбудил знакомый рев.

Трой открыл глаза, несколько мгновений прислушивался, а затем не выдержал и расхохотался.

– Ну наконец-то слышу признаки жизни, – сварливо отозвались снаружи. – Давайте, голубки, просыпайтесь, а то ваша охрана считает, что, пока вы спите, даже пернуть как следует нельзя. Тут же грозитя башку расшибить.

Гмалин ввалился к ним в палатку одновременно с парой слуг, тащивших подносы с завтраком. Гном окинул подносы соколиным взором и одобрительно кивнул:

– Неплохо, вполне хватит перекусить перед завтраком.

Трой покосился на гору провизии, явно отправленную с кухни именно с расчетом на Гмалина и, вздохнув, недоуменно покачал головой:

– Даже не представляю, как вы там выживали в своих каменных чертогах, с таким-то аппетитом...

Когда на подносах остались только обглоданные косточки, Гмалин откинулся на спинку раскладного стульчика и, довольно хлопнув себя по брюху, милостиво разрешил:

– Ну ладно, теперь можешь выдвигать.

– Что? – усмехаясь, спросил Трой.

– Твое предложение.

– Какое?

– Кончай дурака валять, – рассердился Гмалин, – неужто ты думаешь, я не понял, что ты еще тогда, когда заставил меня допустить в каменный город людей, не замыслил поставить к скальным бойницам и эльфов?

Трой попытался изобразить удивленный вид, но надолго его не хватило. Он запрокинул голову и захохотал. Гном сокрушенно покачал головой:

– Ну как можно сотворить что-нибудь путное с таким несерьезным владельцем?

Лиддит набрала воздуха в легкие, собираясь ответить в столь же шутиливом тоне, но тут над лагерем, над всем ущельем пронесся хриплый рев сигнального рога, установленного еще древними мастерами на сторожевом посту, устроенном гномами рядом с вершиной горы. Ни в одном городе гномов такого не было. Там сигнал всегда передавался внутрь горы, оповещая только гномов. И только в Крадрекраме сигнальный рог имел два раструба – первый, так же как и везде, где жили гномы, уходил внутрь горы, а второй – наружу. Дабы стража из числа людей, в древности стороживших Южные врата вместе с гномами, тоже была предупреждена. Гмалин насупился, поднялся со своего стульчика и, вытянув руку, ухватил свою секиру, которую, войдя в палатку, поставил в оружейную пирамиду при входе. После чего повернулся к Трою, улыбнулся и произнес:

– Ну вот они и пришли.

Глава 5

– Но... неужели, уважаемый господин капитан, нет никакой возможности снизойти к горю бедной девушки?

Слова, которые были произнесены, могли бы показаться криком отчаяния, если бы не тон, каким все это было сказано. А сказано это было томно, с придыханием. Причем в тот момент, когда они произносились, сама произносившая их уютно устроилась на коленях этого самого офицера, к которому обращалась. А ее ручка, затянутая в тонкую сеточку изящной перчатки, шаловливо проникла в разрез нижней рубашки офицера, и теперь нежные пальчики гладили курчавую поросль на могучей груди офицера.

– Ну почему же, – прорычал капитан, – долг каждого мужчины состоит в том, чтобы служить женщине. И я клянусь... – В чем он собирался поклясться, его подружке узнать так и не удалось. Потому что в коридоре послышался дробный грохот каблуков и чей-то запыхавшийся голос звонко закричал:

– Капитан Изриел, капитан Изриел! Вас срочно требуют во дворец.

Офицер замер, будто надеясь, что, если ничем не выдавать своего присутствия, этот так некстати зазвучавший голос куда-то исчезнет, но потом, осознав тщетность надежды, зло взрычал и проорал:

– Заткнись! Слышу! Уже иду!

После чего нежно подхватил сидевшую у него на коленях точеную женскую фигурку обеими руками за талию и, мягко приподняв, пересадил на кровать рядом с собой.

– Прости, милая, служба...

Девушка надула губки:

– Ну вот. Опять. Вечно вы, мужчины, куда-то торопитесь. – И она несколько картинно упала на спину, подняв руки к голове и взъерошив волосы, отчего ее грудь, уже слегка вывалившаяся из наполовину расшнурованного платья, приподнялась и стала выглядеть еще соблазнительнее. Капитан, уже натянувший камзол, на мгновение замер, не в силах оторвать взгляд от открывшейся глазу картины, рефлекторно сглотнул, после чего сердито отвернулся и принялся ожесточенно застегивать пуговицы камзола. Девушка вновь села на кровати и, протянув руку, робко прикоснулась к его рукаву.

– Может ли бедная девушка надеяться, что brave капитан на своей службе будет хоть иногда вспоминать о ней?

– Ну конечно, моя дорогая, – пробормотал капитан, надевая перевязь, – непременно. Более того, как только покончу с делами, я немедленно тебя навещу.

После чего капитан надел шляпу, расправил перевязь и, коротко кивнув, вышел из комнаты.

Едва за ним закрылась дверь, как с девушки слетела вся томность. Она встала с кровати и, ловко затянув шнуровку, подошла к зеркалу. Стерев слегка размазавшуюся сажу, которой были подведены глаза, девушка покосилась на смятую постель и раздраженно сморщилась.

Дверь за ее спиной бесшумно отворилась, и на пороге комнаты возникла мужская фигура. Девушка, не оборачиваясь, негромко бросила:

– Войди и закрой дверь.

Мужчина повиновался. Войдя в комнату, он огляделся и, не найдя никакого стула, осторожно присел на край кровати.

– Что ты узнал?

– Нечто весьма обнадеживающее, – ответил Беневьер. – Он игрок.

Женщина хищно улыбнулась:

– Отлично. Я сразу почувствовала, что он наиболее перспективен. И что он предпочитает?

– О его предпочтениях особо неизвестно. Те, кто играл с ним, говорят, что он делает ставки и в кости, и в карты, и на игровых барабанах. Хотя больше любит жринг. Карты все-таки более респектабельны и как-то больше соответствуют статусу гвардейского офицера.

Женщина кивнула и вновь произнесла:

– Отлично.

Тот, кто видел ее сейчас, ни за что не принял бы ее за юную девушку. Перед зеркалом стояла смертельно опасная хищница, планирующая неотвратимую атаку на свою жертву. И, похоже, мужчина, который сейчас находился в ее комнате, прекрасно это осознавал, в отличие от того офицера, который покинул комнату некоторое время назад. Это чувствовалось во всей его позе, в том, как осторожно он сидел на кровати, во взгляде, которым он смотрел на женщину.

– Что ты сделал, чтобы его вызвали на службу?

– Ничего особенного, госпожа Нилера...

Беневьер позволил себе улыбнуться.

– В гарнизоне дворца сейчас недостаток офицеров. Большая часть гарнизона вместе с принцессой Лиддит в Арвендейле. Так что если сразу трое офицеров начинают мучиться поносом, коменданту дворца приходится вызывать на службу любого, до кого способен дотянуться.

– Да? – усмехнулась Нилера. – И отчего же у них... заболел живот?

– Ну... это называется черемиса. – Беневьер, почувствовав одобрение, тоже расплылся в улыбке. – Обычно она используется лекарями для того, чтобы облегчить страдания тех, кто мучается запором. А когда ее выпивает тот, кто совершенно здоров, то... ему не поможет даже то, что черемиса растворена в добром эле. Хотя эль, как известно, есть лучшее лекарство от всех болезней.

– А почему трое?

Беневьер пожал плечами.

– Если бы их было меньше, комендант мог бы вызвать кого-нибудь из них, а не нашего капитана.

Нилера благосклонно кивнула.

– Хорошо, Беневьер, я довольна. – Она подошла к окну, задернутому тонкой занавеской, и выглянула на улицу. – Что ж, я думаю, ты знаешь, чем тебе надо заняться теперь.

Беневьер вскочил и отвесил легкий поклон.

– Конечно, госпожа Нилера. Я собираюсь подыскать господину капитану достойную компанию для партии в жринг.

Когда за Беневьером закрылась дверь, та, что нынче носила имя Нилера, все так же стояла у окна. Ее взгляд был устремлен туда, где за стенами Высокого города вздымались ввысь башни императорского дворца. И если бы кто-нибудь смог в этот момент бросить взгляд на ее лицо, он бы в ужасе содрогнулся. Ибо оно было лучшей иллюстрацией к одному из грехов, которые в этом мире считались смертными, – ненависти.

Следующим вечером, сменившись со службы, капитан Изриел решил не навещать хорошеньких женщин. То есть не то чтобы он принял окончательное решение, он как бы склонился к этому... Просто гвардейские офицеры всегда пользовались популярностью среди хорошеньких мешаночек, а также дворянок из небогатых семей, прибывших покорять столицу с одной служанкой и не слишком раздутым кошельком и внезапно обнаруживших, что их здесь никто особо не ждет. А блистательные кавалеры, которыми в их мечтах столица была буквально переполнена, на самом деле встречаются в Эл-Северине гораздо реже, чем им представлялось дома. Да и те, что встречаются, предпочитают не падать к ногам провинциальной красавицы, заодно

бросив туда же, а именно ей под ноги, весь мир и... свой кошелек, а, наоборот, стараются уложить в постель кого-нибудь попокладистой, а тем, кто слишком много о себе возомнил, просто... дать еще немного времени. Беспроязвительная тактика. Не пройдет и полугода, как та, что в ответ на невинный флирт мерила тебя возмущенным взглядом, сама начнет бегать за тобой, изо всех сил призывно хлопая ресницами и как сумасшедшая смеясь над шуткой, устаревшей еще в прошлом сезоне. А уж теперь, когда большая часть гарнизона пребывала вне столицы, внимание истомленных отсутствием достаточного количества кавалеров женщин стало просто навязчивым. Так что сегодня капитан Изриел решил не идти в таверну, где его ждало всего лишь еще одно любовное приключение, столь грубо оборванное вчера в самый интересный момент вызовом коменданта, а развеяться несколько иным способом. Лучшим местом для которого была другая таверна.

Войдя внутрь, капитан окинул взглядом зал и тут же заметил несколько новых лиц, как минимум четверо из которых были вполне перспективны. Одним из них был молодой мужчина, чья несколько вычурная одежда, хоть и слегка устаревшего фасона, выдавала в нем обеспеченного дворянчика из провинции, наконец-то, впервые за много лет, покинувшего собственное владение и решившего немного развеяться в столице. Капитан усмехнулся. По-видимому, владение было небольшое и давало вполне стабильный, хотя и невысокий доход, но, как и все подобные владения, требовало постоянно хозяйского пригляда. И дворянчик практически всю свою предыдущую жизнь провел за тем, что крутил хвосты коровам. Перспектива, когда-то ожидавшая и самого Изриела, если бы он не сподобился поступить в гвардию. Вторым претендентом был тучный краснорожий мужчина, в котором одежда и повадки выдавали купца. Третьим был мужчина, скорее всего, из недворянского сословия, но, судя по одежде, вполне обеспеченный. Некоторое время назад среди части живущих в столице обеспеченных молодых мужчин и женщин (как правило, получивших состояние в наследство или разбогатевших каким-то иным быстрым и довольно часто не всегда законным путем) стало модно вести жизнь, очень сильно напоминавшую жизнь дворян. Правда, без их обременений – непременной службы и забот владения. Впрочем, если службу несли все дворяне, заботами владения почти всегда были обременены только старшие дети, так что младших отпрысков, как правило, весьма многочисленных дворянских родов это не касалось. И, при некоторой практике, эти мещане смотрелись в пестрой толпе молодых дворян вполне естественно. Хотя наметанный глаз всегда мог выделить не тех, кто действительно *был* дворянином, а тех, кто изо всех сил старался не *стать* им, а *казаться*. И третий был явно из таких. Причем, судя по тому, что до сих пор Изриель его не встречал, мода на это кажущееся дворянство добралась и до провинции. Ибо все известные подобные хлыщии столицы, как правило, крутились в тех тавернах, где и сам капитан Изриель был завсегдатаем, и уже намозолили ему глаз. А этот явно был новенький. Ну а последним был, похоже, отпрыск довольно богатого и влиятельного рода. Правда, явно не наследник. Уж больно старательно он изображал презрение и скуку. Про этого последнего стоило сначала разузнать побольше. Ибо иногда у таких сукиных сынов есть довольно энергичные отцы, дядья или старшие братья, которые могут попортить изрядно крови даже гвардейскому капитану.

Но для партии в жринг необходимо только три партнера, так что у него был выбор и без того, чтобы связываться с этим избалованным сыном богатого семейства.

Партия образовалась быстро. И даже без его участия. Покончив с заказанной бутылкой, мещанчик, притворяющийся дворянином, достал из кармана колоду карт и окинул зал заинтересованным взглядом. К удивлению капитана, наиболее живо отреагировал не дворянчик из провинции и не отпрыск, а купец. Он быстро подвинулся к мещанчику и, наклонившись к нему, стал что-то объяснять, возбужденно размахивая руками. Мещанчик согласно кивнул и бросил робкий взгляд в сторону капитана. Тот ответил взглядом вполне благосклонным. Так что спустя десять минут они уже сидели за одним столом.

– По медяку за взятку? – стараясь казаться небрежным, спросил мещанчик. Изриел пожал плечами, а купец, глаза которого алчно зажглись, согласно кивнул:

– По медяку так по медяку.

Первые несколько раздач капитан проиграл. Карта не шла. Все время то не хватало чаши для полной руки, то, наоборот, в раскладе вылезала лишняя корона. Он даже стал опасаться, что от тех пяти золотых, что были у него при себе, вскоре ничего не останется, и принялся прикидывать, как бы потихоньку закруглить игру, не роняя при этом гвардейского достоинства. Но затем масть поменялась и все пошло как надо. Так что к концу вечера в кармане капитана звякало на десяток золотых больше, чем было вначале.

Когда они прощались, купец сокрушенно качал головой.

– Да уж, господа, не везет так не везет. Ну... я в столице буду еще какое-то время, так что прошу возможности отыгаться.

Капитан благосклонно кивнул и вышел из таверны.

Следующий день у него был свободным. Поэтому с утра он отправил с денщиком один золотой цветочнице, а еще три – ювелиру, велев подобрать какую-нибудь безделушку. Капитан Изриел, несмотря на свое пристрастие к игре, был мужчиной бережливым и в случае выигрыша позволял себе тратить не более половины оного. Остальное отправляя в этакый страховой фонд, в котором у него скопилось уже около полусотни золотых. Он играл, а в игре случаются и проигрыши. А сколько блестящих карьер были загублены нехоти случившимися проигрышами – уму непостижимо!

Посещение юной особы прошло вполне в том духе, как он и ожидал. Госпожа Нилера в постели оказалась не слишком умелой, но очень страстной и деятельно-послушной. Сочетание, которое он любил более других. К тому же букет и маленькая брошка привели ее в такой восторг, что она просто лезла из кожи вот, чтобы с лихвой отблагодарить кавалера.

Окончание вечера тоже оказалось вполне приличным. Они сошлись прежним составом. И даже то, что к концу вечера купец, в отчаянной попытке отыгаться, предложил перейти на ставки по серебряному за взятку, только увеличило выигрыш капитана. На этот раз он ушел с пятнадцатью золотыми.

А вот следующий день не задался с самого утра. Во-первых, несколько офицеров вновь мучились желудком. И потому комендант снова поменял график, поставив Изриелу еще одно внеочередное дежурство, уже второе за луну. Затем эта сучка вновь затянула старую песню по поводу того, как бы ей хотелось хоть одним глазком взглянуть на императорский дворец. Причем дело почти дошло до истерики. Эта дура даже начала кричать, что готова передать ему золото для подкупа какого-нибудь важного лица. И что она согласна сделать это даже не во время какого-нибудь приема или бала, а в любой день, и даже ночью. А если тех ста монет, что у нее есть, недостаточно, она попросит у брата еще. Упоминание о брате, причем находящемся где-то недалеко, так что его можно о чем-то попросить, слегка остудило пыл капитана, уже решившего прекратить истерику самым действенным способом – оплеухой. И еще сильнее испортило настроение. Но самое страшное произошло вечером...

Беневьер поднялся по узкой лестнице и затормозил у знакомой двери. Мальчишка с приказом немедленно прибыть прибежал полчаса назад. И теперь Беневьер недоумевал, что могло стать причиной столь срочного вызова. Дела пока развивались по плану. Во всяком случае та их часть, за которую отвечал лично он... Остановившись у двери, Беневьер некоторое время прислушивался, а потом поднял руку и робко постучал.

– Беневьер?

– Да, госпожа.

– Заходи.

Госпожа Нилера сидела у окна с бокалом в руке и сверлила взглядом башни императорского дворца. Если бы взгляд мог обрести хоть какую-то материальность, то у императорского дворца, скорее всего, уже не осталось бы башен.

Когда Беневер вошел, она отвела взгляд от столь привлекавшей ее панорамы и спросила:

– Как идут дела?

– Все по плану.

– Отлично, – кивнула она и, поднимаясь на ноги, приказала: – Собирайся. Господин в городе. Он требует нас к себе.

Беневер удивленно воззрился на Нилеру. Уже давно, несколько лет назад, он наладил в Эл-Северине неплохую сеть оповещения, так что о том, что в городские ворота въехало некое значимое лицо, ему должны были доложить никак не позже, чем через час после случившегося. Ну максимум через полтора, с учетом того, что его потребуется искать. Неужели господин прибыл инкогнито? Но зачем?

До городского дома герцога они с госпожой Нилерой добрались на наемном экипаже. И вошли внутрь через боковую калитку. Всю дорогу Беневер мучился вопросом, что происходит. Он не любил неизвестности. В той деликатной области, в которой он подвизался как профессионал, недостаток знаний может быть смертельно опасным. И потому Беневер считал, что для того чтобы знать, где, что и почему происходит, не следует жалеть ни времени, ни денег. Знания, они дороже любых денег. И в этом преподаватели Университета совершенно правы. Хотя, естественно, они-то имеют в виду совершенно другое...

До того как они поднялись по лестнице на второй этаж, на котором был расположен кабинет герцога, у Беневера еще оставалась некая тайная надежда, что Нилера ошиблась и господин только *прибывает* в город, но, увидев у дверей могучую фигуру джерийца, он понял, что эта надежда напрасна.

Измиер отворил дверь и жестом показал, что господин ждет. После чего вошел в кабинет вслед за ними и замер у двери неподвижной фигурой. В кабинете было темно. То есть, конечно, не совсем. Кое-какой свет там все-таки был. Но на окнах были не задернуты только третьи, самые плотные шторы. Да и то не задернуты до конца, а лишь на половину окна. Верхние портьеры были спущены более чем наполовину, а легкая кисея была собрана в плотные складки, как будто для того, чтобы максимально затруднить дневному свету доступ внутрь кабинета.

Господин сидел не на своем обычном месте, за большим столом, а в углу, хотя и в своем любимом кресле с высокой спинкой.

– Господин. – Госпожа Нилера присела в безупречном реверансе.

– Господин. – Беневер на долю секунды позже отвесил глубочайший из возможных поклонов.

– Рад вас видеть, господа.

Беневер вздрогнул. В голосе герцога было нечто... страшное. Некий гул и рокотание, явно находящиеся за пределами чувствительности человеческого уха, но явственно ощущаемые чем-то более глубинным.

– Как наши дела?

Нилера вновь сделала реверанс (похоже, и она заметила изменения, произошедшие с господином) и заговорила. А Беневер стоял рядом с ней, неотрывно глядя на своего герцога и абсолютно не в силах унять страх, отчего-то волнами накатывающийся на него.

– Хорошо, – сказал герцог, когда Нилера умолкла, – ты отлично поработала, моя дорогая. Должен тебе сказать, что мое последнее путешествие принесло мне все то, на что я рассчитывал. Поэтому я готов исполнить и мою часть нашей сделки. Так что твоя месть близка. Очень близка. А потом вы станете слугами самого могущественного из людей, среди всех ныне живущих на свете.

– Я уже его слуга, мой господин, – вновь склонилась в реверансе Нилера.

– Это пока не совсем так, – с каким-то мертвенным спокойствием произнес герцог Эгмонтер, – а точнее, это еще не всем ясно. Но скоро это изменится... – Он прикрыл глаза и некоторое время сидел так, будто отдыхая, а затем вновь раскрыл их и сделал Нилере благосклонный жест рукой: – Хорошо. Иди.

Едва она тронулась к двери, два черных провала, в которые теперь превратились глаза герцога, повернулись в сторону Беневьера:

– Ты уверен, что после проигрыша он придет именно к ней?

– Да, господин. – Беневьер на мгновение заколебался, но затем решил ответить чуть подробнее: – Ему просто некуда будет еще идти. После *такого* проигрыша он нигде не сможет найти необходимую сумму.

Герцог медленно кивнул, а затем вновь задал вопрос:

– Он ничего не заподозрит?

Беневьер заставил себя искривить губы в привычной усмешке. Если не понимаешь, что происходит, старайся вести себя как можно более обычно и естественно.

– Нет, господин. Все слишком нелепо и абсурдно, чтобы можно было заподозрить ловушку. На нелепое злятся, а не рассматривают его под лупой. Причем злятся свысока, еще более утверждаясь во мнении, что, окажись они сами в подобной ситуации, они бы уж точно придумали, как ею распорядиться гораздо лучше.

– Хорошо. Я доволен. Можешь идти.

Беневьер склонился в глубоком поклоне, а затем невидимой тенью выскользнул за дверь. Осторожно прикрыв створку, он привалился к стене и обессиленно вытер пот, которому только сейчас позволил выступить на лицо. Он не знал, что произошло с герцогом в его последнем путешествии, но это явно было нечто ужасное. И Беневьер твердо решил, что никогда и пытаться не станет узнать это. Более того, он будет бежать от этого знания так быстро и далеко, как только сможет...

Отпустив Беневьера, герцог Эгмонтер подошел к окну и, морщась от потоков света, опустил тяжелую штору. Он уже давно с трудом терпел даже неяркий свет, который проникал в комнаты через окна. А свет солнечного дня просто сводил его с ума. Именно этим и было вызвано то, что для поездки в Эл-Северин он воспользовался каретой, а не приехал верхом, как делал всегда раньше. Впрочем, так вышло даже к лучшему. Во всяком случае, пока в столице почти никто не знал, что герцог Эгмонтер прибыл в город. В принципе в подобной скрытности особой нужды не было. Он не собирался ни делать визиты, ни устраивать приемы. А если бы пришло какое-нибудь приглашение, то его, с учетом того, что он планировал в ближайшее время, вполне можно было проигнорировать. Или, в крайнем случае, сказать больным. Но существовал небольшой шанс, что визит попытается нанести кто-то, кого невозможно просто не пустить на порог. И это создало бы некие непредвиденные трудности. Так что то, что пока в свете не было известно о его прибытии в столицу, его радовало. Вернее... успокаивало. Потому что он сильно сомневался, что теперь хоть что-то в мире может его порадовать...

Обратный путь для Эгмонтера стал настоящей пыткой. До Парвуса добрались только они с джерийцем. И Эгмонтер сильно порадовался своему решению оставить того в живых. Поскольку сомневался, что смог бы добраться до столицы своего герцогства самостоятельно. Впрочем, Измиер был совершенно уверен, что его спасло только заступничество господина, поскольку даже не представлял, что творилось там, где его господин пребывал все время, пока они не тронулись в обратный путь. И потому его преданность стала просто животной. Эгмонтеру временами казалось, что если бы в тот момент, когда у них почти кончились продукты, джерийцу не удалось подстрелить косулю, он бы согласился питаться собственным калом, только чтобы его обожаемому господину хватило пищи еще на пару-тройку дней. А может, он так и делал. Помнится, несколько дней от него жутко воняло...

Та глыба, которая сожрала его палец, просто откусив его от руки Эгмонтера, согласилась провести герцога через Посвящение. Эгмонтер так и не понял, что такое означал этот палец. Некую сакральную жертву или испытание его решимости. А может, этой твари просто захотелось полакомиться давно забытой свежатинкой? Во всяком случае, когда он, тихонько подвывая от боли, замотал место, где не так давно торчал его палец, отрезанной от плаща тряпицей, замшелая глыба, с которой он вел столь интеллектуальную беседу, милостиво пророкотала:

– Гхдих, кхебя гхстретятх.

Эгмонтер вывалился из пещеры и, слегка отдышавшись, тронулся в обратный путь среди уродливого каменного леса.

Все семеро шаманов были на месте. Но на этот раз с ним заговорил другой:

– Ты хочешь пройти посвящение Ыхлагу, человек?

– Да.

– Если бы я знал, что ты хочешь попросить, то сам бы тебя сожрал.

Эгмонтер замер. Неужели... все? Та замшелая глыба в пещере сказала, что его встретят, но даже не намекнули, для чего. Сожрать?.. Но все обошлось.

Тот шаман, что обратился к нему, развернулся и, глухо бросив:

– Иди за мной, – двинулся куда-то вверх по склону. В сторону, противоположную той, с которой герцог пришел. Еще дальше от лагеря людей.

Они поднимались где-то две лиги, прежде чем вышли на небольшую площадку в скалах, на противоположной стороне которой зиял черный провал. Шаман не останавливаясь двинулся вперед, прямо в этот провал. У Эгмонтера екнуло под ложечкой. Если ему предстоит лишиться еще одного пальца, да еще подобным же образом, то это уже далеко за пределами того, на что он рассчитывал.

На его счастье, в этой пещере никого не было. Зато здесь был широкий камень. Похоже, алтарь. Он был покрыт толстым слоем каких-то подсохших потеков. И только спустя некоторое время до Эгмонтера дошло, что это кровь, которая, наверное, орошала этот камень даже не века – многие тысячелетия. Над алтарем свод пещеры слегка опускался, и с него свисало что-то вроде гигантской кристаллической друзы, которая отчего-то слегка светилась. Как будто уголья в головне. И оттого на всей пещере лежал тусклый, дымный отблеск. Шаман остановился и повернулся к нему:

– Здесь ты пройдешь Посвящение. Но сначала ты должен научиться ритуалу.

– Я готов, – хрипло ответил герцог.

– Нет, человек, – мотнул башкой шаман, – не готов и еще не скоро будешь.

Он наклонился и вытащил откуда-то из-за алтаря сверток из шкур. Развязав его, он выложил на алтарь каменный молот не слишком больших для тролля размеров. Скорее даже молоток, а уж для тролля так просто молоточек. Обсидановый нож странного оттенка. И несколько каменных горшочков, наполненных чем-то, пахнущим не слишком приятно. А также что-то вроде кисточки, представляющее из себя узловатую ветку, обмотанную какой-то заскорузлой шкурой, по-видимому, уже изгвазданной содержимым этих горшочков.

– Наши боги – самые древние, – тихо заговорил шаман. – Они властвовали над этой землей, когда еще не было ни людей, ни гномов, ни эльфов. И даже троллей и орков было не слишком много. Зато эта земля была полна чудовищ, которым тролли и орки служили пищей. – Шаман замолчал, глядя на человека. Герцог Эгмонтер украдкой облизал губы. С самого утра у него во рту не было ни маковой росинки. И ни глотка воды. Но он боялся прервать шамана. Поэтому со всем возможным старанием изобразил на лице крайнее внимание.

– Поэтому, чтобы выжить, нам нужна была сила. Любая, до которой мы могли дотянуться. А ее могли дать только боги. Но у нас было не так уж много того, что мы могли предложить богам. Нас и самих было немного. И становилось все меньше. Поэтому древние отцы нашего

народа, выбирая, к кому обратиться, предпочли тех, кто готов был не брезговать ничем из того, что мы могли дать. И даже предпочитал именно то, чего у нас было в избытке.

Эгмонтер молча смотрел на шамана. Он забыл о голоде и жажде, о ноющих ногах и надсадно болящей руке. Ибо сейчас он начал понимать, что же такое темные боги и как они стали властелинами тех, кого остальные считали расами, изначально преданными Тьме.

– Боги едят наши жертвы, – пояснил шаман, – все равно, что мы понимаем под этим – молитву или само жертвоприношение. Но мы... не умели молиться. Мы и говорить-то тогда не слишком умели. Да и теперь делаем это хуже вас. Мы не умеем издавать красивые звуки. Мы не слишком искусны в обращении с камнем, деревом или металлом и потому не умеем строить величественные дома для поклонения богам, в которых вы, люди, собираетесь целыми толпами и иногда даже приходите в религиозный экстаз. Понимаешь?

Герцог медленно кивнул. Шаман вздохнул:

– Нас было мало, мы были дики, ненамного лучше зверей. Зато в нашей жизни было много боли и смерти. И мы дали богам то, чего у нас было в избытке. И... они откликнулись на наши жертвы.

Эгмонтер стоял, ошеломленный услышанным. Вот как... Да эти надутые уроды из Императорского ковена просто лицемеры, когда, патетически потрясая руками, клеймят последователей темных богов...

– Наши боги честны, – продолжал между тем шаман. – В ответ на то, что мы даем им, они дают нам силу. Не спрашивая, как Светлые боги, откуда эта жертва и как мы ее добыли. Все просто и честно. Жертва – сила. Лучшая жертва – больше силы. И чем больше силы было в самой жертве и чем сильнее были ее боль и страх в тот момент, когда мы посвящаем ее нашему богу, – тем больше он нам дает силы. Поэтому тебе предстоит научиться извлекать из каждой жертвы всю боль и весь страх, который она может тебе дать. Только тогда я скажу, что ты готов пройти Посвящение.

Эгмонтер несколько мгновений молчал, осознавая, *что* ему предстоит, а затем спросил:

– А где я возьму жертвы? – И, еще не закончив вопроса, с ужасом понял, что уже знает ответ. Шаман кивнул.

– Ну да. Ты же, человек, слишком слаб, чтобы суметь извлечь достаточно боли из любого тролля. Поэтому учиться на троллях для тебя бесполезно. Но ты предусмотрителен. У тебя осталось еще достаточно спутников. Ты сможешь научиться...

Глава 6

Гурьба разбила лагерь в полулиге от входа в южное ущелье. Вернее, лагерей было несколько. Самый большой располагался почти в полутора лигах от входа, причем он был раза в полтора-два больше, чем остальные шесть, вместе взятых. Но Троя и остальных командиров армии людей больше всего интересовал как раз самый маленький. Он находился чуть ближе ко входу, чем большой, и был будто окружен остальными лагерями.

Военный совет собрали в палатке Лиддит. Но за час до этого все командиры выехали из ущелья и, остановив коней, несколько минут напряженно всматривались в раскинувшееся перед ними огромное стойбище. Несколько минут, потому что в орочьих лагерях тут же слышались крики и воинственный рев, и спустя каких-то пару минут из-за натянутых кожаных полов, заменявших большинству орков в походе более привычные людям палатки, вырвалась толпа всадников на варгах и устремила в сторону людей. Однако на сей раз преследовать людей до последнего никто не стал, и едва куца кавалькада проскакала четверть пути по ущелью до Южных врат, как орки развернули своих варгов и отправились восвояси.

– Кто как считает, как скоро они нападут? – открыла военный совет принцесса. Молодой герцог отсутствовал на военных советах так часто, что все как-то уже привыкли, что советы ведет Лиддит. И сам Трой тоже несколько не возражал против этого.

– Граф Шоггир?

– Я думаю, принцесса, не раньше, чем будут готовы шаманы. Я не знаю, что они собираются нам преподнести, но у нас есть некоторое преимущество.

Все уставились на графа с напряженным вниманием.

– Я думаю, что мы можем почти не опасаться ничего, связанного с Силой Земли.

– Почему? – выразила общее недоумение принцесса.

– Причиной этому Кра... то есть Каменный город. Поскольку гномы вновь овладели его алтарями, враждебные ему заклинания этой школы теперь требуют слишком много сил и маны. Они не становятся полностью невозможными, но... слишком дорогими. Во всех отношениях. Так же маловероятна и Вода. Мы слишком далеко от моря, а на подземные источники опять же оказывают влияние алтари Каменного города. А вот Воздух и Огонь – вполне вероятны.

Лиддит согласно кивнула, но все-таки уточнила:

– Откуда такая информация?

– Ею со мной поделился уважаемый глинид Гмалин. – И граф отвесил гному изящный полупоклон. Когда все отвели взгляд от гнома, Трой наклонился к его плечу и прошептал.

– А мне чего не рассказал?

– А ты, в отличие от некоторых, не спрашивал, – сварливо отозвался гном.

– А я знал, о чем спрашивать? – возмутился Трой.

Гмалин минуту подумал и, вздохнув, неожиданно извинился:

– Прости, все время забываю, что наш герцог еще, по существу, сопляк.

Трой насупился, но возразить на это было нечего. Не просто сопляк, но еще и сопляк совершенно не обученный. Лиддит вон даже младше его, а как управляется... Темные боги, вот что значит *род*. Нет, если у него будут сыновья, он найдет им самых лучших учителей. Да и сам костями ляжет, обучая сыновей всему, что к тому моменту будет знать и уметь. Это только вначале, пока человек молод и глуп, кажется, что когда он учится сражаться, скакать на коне, взбираться на отвесные скалы или разбираться в торговых сделках, то делает это, исключительно чтобы реализовать самому. Нет, это, конечно, тоже. Но чем дальше, тем больше становится понятным, что он делает это, чтобы иметь возможность научить тех, кто... продолжит его в веках. Со всей уверенностью сказать им: «Я это умею. Это надо делать так». И с гораздо большей, чем когда-либо ранее, гордостью в сердце увидеть, как его ребенок начинает

все увереннее сжимать в руках тяжелый отцовский меч, как все более бесстрашно дает коню шенкеля перед барьером. Потому что мечты о светлом и безоблачном счастье для своих детей во все времена остаются только мечтами. И каждое новое поколение получает свою войну. Ту или иную. Но всегда свою. И самое главное, что могут дать родители своим детям, это научить их выживать в войнах. И побеждать в них...

– Орки дики и необузданны. Может быть, стоит попробовать выманить их из лагеря и навязать битву, пока они еще не готовы?

Старшина Фодр мотнул головой:

– Да нет, не получится. Во-первых, сейчас-то они не поперли на нас буром, а просто отогнали и вернулись в лагерь. А во-вторых, даже если кто и поперет, так это остатки мелких орд. А западные вышколены намного лучше. Тех на слабо не взять.

Лиддит задумчиво постучала пальцами по столу.

– Ну что ж, давайте подытожим. Орки превосходят нас численностью в лучшем случае в три, а то и в три с половиной раза. Укрепления у нас довольно хлипкие. Искусственные осыпи создавать почти бесполезно. Шаманы их засекут и нейтрализуют практически мгновенно. Наша магическая защита против шаманов не продержится и часа. Я все правильно поняла?

Все угрюмо молчали.

– Хорошо, – продолжила принцесса, – давайте рассмотрим то, что мы можем считать своим преимуществом.

Все переглянулись, затем Трой тихо произнес:

– Стрелки.

Все согласно закивали.

– Стрелки и мои метательные машины, – добавил Гмалин.

Лиддит посмотрела на гнома:

– Так. Согласна. У нас почти две сотни метательных машин и более восьми тысяч стрелков. Причем почти тысяча из них – эльфы. Все метательные машины, кроме самых примитивных, которые все еще собирают в лагере, и, как я поняла, не менее половины стрелков будут надежно укрыты.

Гном согласно кивнул.

– Но сектор их обстрела включает в себя *только* ущелье. Так что подниматься к Южным вратам орки будут совершенно беспрепятственно. И лишь пройдя их, окажутся под обстрелом.

– Зато сразу очень плотным, – добавил граф Шоггир.

– То есть, – задумчиво произнесла Лиддит, – насколько я понимаю, самой лучшей тактикой для нас будет изо всех сил держать линию обороны, позволяя стрелкам и метательным машинам бить орков сверху.

Все молчали. А что тут было говорить? Лиддит сказала то, что все и так осознавали. Просто, может, так точно и до конца не доформулировали.

– Что ж, – констатировала принцесса, – я считаю, что шанс есть... – Она помолчала, обводя присутствующих серьезным взглядом. – Если мы придумаем, как нейтрализовать шаманов...

Совет закончилось почти ничем. Все командиры еще раз доложили о том, к чему готовы. Кто-то сказал, что было бы очень неплохо устроить в ущелье такую же ловушку, что и в битве у реки, но, когда вызвали мастеров из Зимней сторожи, выяснилось, что земляного масла осталось всего пара кувшинов. Эрик Два Топора припомнил, что у них используют против ледяных великанов специальную смесь из белого порошка, скапливающегося в местах, где много старого навоза, угля и серы. Она хорошо горит и плохо тушится даже водой. Мастер Титус доложил о последних поставках, то есть еще о почти сорока тысячах стрел для луков, восьми тысяч основ для них же и одиннадцати тысячах арбалетных болтов. Это была работа кузнецов

и оружейных мастеров всех городов Арвендейла, так что в ближайшее время поставок больше не предвидится. Впрочем, на это уже и не было времени... На этом все и закончилось. Ответа на главный вопрос так никто и не смог найти.

После совета Трой подошел к Гмалину. Тот стоял задумавшись, что для него было необычно, и яростно чесал бороду. Но когда Трой приблизился к нему, он внезапно выпалил:

– Слушай, герцог, а знаешь что, дай-ка ты мне тех двух мастеров из Зимней сторожи.

– Зачем? – удивился Трой.

– Ну не все же вам, людишкам, по моему городу лазать, наши секреты выведывать, надо ж и мне чем-нибудь разжиться, – огрызнулся гном.

– Бери, – пожал плечами Трой, а затем спросил о том, ради чего и подошел:

– Когда обратно-то?

– Да сейчас, – Гмалин вздохнул, – эльфов вот твоих соберу и остальных, которые у бойниц стоять будут, и двинусь. Алвур встречать.

– Алвур? – Трой недоуменно уставился на гнома, а затем на его лице нарисовалось понимание: – А-а, так вы уже обо всем сговорились.

– А что, ждать, пока кое-кому надоест лично мечом размахивать и он вспомнит, чем должен заниматься настоящий герцог?

Трой смутился.

– Да я... это...

– Ладно, проехали, – хмыкнул гном, – в конце концов, для этого и существуют побратимы.

Трой улыбнулся и согласно кивнул. Из их десятка здесь находились только они четверо. Арил, идш и Глав в сопровождении Края, Бон Патрокла и еще двух десятков местных бойцов из числа Тысячи охотников сейчас во весь опор мчались в империю, чтобы оповестить императора о том, что произошло в Арвендейле. Это посольство уехало еще до того, как стало известно о Гурьбе. Они везли подарки, отобранные гномом и идшем из числа сокровищ, найденных в подвалах замка. А кроме того, у Арила было поручение к Тавору Эрграю, а идш собирался добраться до сородичей и переговорить с ними насчет дальнейшего сотрудничества. Вероятнее всего, они уже должны были проехать Эллосил. А Крестьянин сейчас находился в Каменном городе. Гмалин направил его в расчет одной из метательных машин, на которую требовались особенно сильные заряжающие.

До самого вечера в лагере людей стучали топоры и слышался визг точильных камней. Плотники наращивали помосты, ладили метательные машины, которые должны были метать камни и уже не копья, а просто заточенные колья. Они были неказисты, изготовлены из еще не досушенного дерева и вряд ли выдержали бы больше полусотни выстрелов. Но и это были лишние соломинки, которые могли еще больше нагрузить спину верблюда. Весь вопрос состоял в том, хватит ли их для того, чтобы окончательно ее переломить...

Орки начали выходить из лагерей через два часа после рассвета. Рев сигнального рога гномов поднял лагерь, и десятки тысяч бойцов, не успев продрать глаза, торопливо натягивали доспехи и бежали к заранее определенным им боевым постам.

Спустя полчаса выяснилось, что немедленного нападения не будет. Поэтому Трой выслал вниз по ущелью, за Южные ворота, полусотню всадников с приказом наблюдать, но не выезжать из ущелья, дабы не провоцировать орков, а остальных распустил. В принципе гномий пост должен был бы предупредить их заранее, но, если орки действительно собирались напасть сегодня, шаманы могли попытаться отправить какой-то отряд, отведя глаза гномьим наблюдателям, у орков в этом случае появлялся шанс налететь на лагерь людей внезапно. А отвести глаза полусотне людей одновременно было практически невозможно. Так что даже в случае, если б у орочьих шаманов все и получилось, их отряд добрался бы только до полусотни, а уж там гномы заметили бы, что что-то не так. Вряд ли, конечно, подобный отряд нанес бы такой

уж большой ущерб, поскольку он никак не мог быть слишком многочисленным, но прорваться к стрелкам и метательным машинам и несколько уменьшить их число мог бы вполне. А шансы на победу людей, гномов и эльфов и так были не слишком велики, чтобы позволить себе разбрасываться даже малейшими.

Воины разошлись к своим кострам, и вскоре в котлах закипела наваристая похлебка. Трой знал, что многие опытные бойцы предпочитали не есть перед боем, считая, что в таком случае при ранении в живот больше шансов выжить, но сегодня утром все было наоборот. На короткую схватку никто не рассчитывал. И на шанс выжить в случае поражения тоже. А вот сил на долгую битву у голодного воина могло не хватить. Поэтому нынешним утром в котлы летели все припасы, которые только нашлись в неведомых глубинах дорожных мешков.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.